2 Р
Д-69
4315

4315
Рязанское Губернское Правленіе
14/87
Книгохранилище
2Р/47.38
Д-69
4315 д

БЕСѢДЫ
СВЯЩЕННИКА
СЪ
МУХАММЕДАНАМИ.

Рязань.
Типографія Братства св. Василія.
1899.

Изъ Рязан. Епарх. Вѣдом. №№ 11, 12, 13, 14 и 15.

4315

БЕСѢДЫ

СВЯЩЕННИКА СЪ МУХАММЕДАНАМИ *).

О „Мигражѣ“ или путешествіи Мухаммеда по небесамъ.

Вечеромъ 28-го октября 1898 года явился ко мнѣ одинъ изъ татаръ Касимовскихъ, съ которымъ предъ тѣмъ не разъ я видѣлся во время моихъ поѣздокъ въ Касимовѣ, и съ нимъ мы условились обстоятельно побесѣдовать о „Путешествіи Мухаммеда въ Іерусалимъ и на небо“.

„Одно это путешествіе утверждаетъ меня въ томъ убѣжденіи, что Исламъ истинная вѣра, Мухаммедъ—пророкъ изъ пророковъ, печать пророковъ, *онъ Боговидецъ!*“ говорилъ мнѣ татаринъ этотъ передъ бесѣдою. Приступили мы къ бесѣдѣ.

— Вы, мусульмане, въ утвержденіе того, что Коранъ есть откровеніе Божіе, во 1-хъ указываете на тѣ образы, коими совершилось откровеніе Корана Мухаммеду.

— В. В., надо послѣ имени „Мухаммедъ“ добавлять всегда: «*миръ ему!*» Всегда при упоминаніи святыхъ именъ надо молитвою желать имъ мира.

— Ну, вы желайте имъ, т. е. Мухаммеду и своимъ святымъ, мира, а меня къ этому не принуждайте. Вы доказываете дѣйствительность откровеній образами откровеній Божіихъ.

---

*) Бесѣды эти были на разсмотрѣніи ученаго профессора Каз. Д. Академіи Прот. Евфимія Алекс. Малова и заслужили полное одобреніе. Отзывъ таковъ: авторъ этихъ бесѣдъ обнаружилъ въ нихъ и свое усердіе къ миссіонерскому дѣлу, и умѣнье вести разговоры съ мухаммеданами о вѣрѣ. Это пріятно (Письм. Е. Мелетію 3 мая 99).

— Да, между прочимъ. Такихъ образовъ, коими Богъ сообщалъ Мухаммеду Свои откровенія, наше Богословіе насчитываетъ три.

— И между этими образами: „восхожденіе Мухаммеда на небо“ вы полагаете удостовѣряетъ истинность откровеній?

— Да. Это путешествіе есть и великое чудо, которое несомнѣнно доказываетъ, что Мухаммедъ есть великій пророкъ, посланный дѣйствительно отъ Бога. Лучше всего прямо приступимъ къ изложенію разсказа о семъ путешествіи Мухаммеда.

— Восхожденіе вашего пророка Мухаммеда, или какъ оно называется по арабски,—*Миграджъ*,—было однажды въ его жизни.

— Да. Подобныя чудеса не повторяются.

— Почему-же!

— Потому что это величайшее чудо величайшаго пророка Мухаммеда. Итакъ приступимъ къ разсказу.

Нѣсколько словъ къ читателю. Магометанство учитъ, что Богъ открывалъ волю Свою чрезъ пророковъ *(наби)* и посланниковъ *(расуль)*, и поэтому магометане должны вѣрить (и вѣруютъ) „въ Бога и... въ посланниковъ Его (Коранъ 2 гл. 285 ст.), и эта вѣра есть условіе магометанскаго благочестія. Не имѣющій такой вѣры въ Бога или посланниковъ Его находится въ совершенномъ „крайнемъ“ заблужденіи (Коран. IV, 135). Въ виду этого магометанская догматика предписываетъ мукалляфамъ (т. е. совершеннолѣтнимъ) необходимо вѣровать въ посланниковъ Божіихъ, посылаемыхъ Богомъ для наученія людей истинной вѣрѣ. Мухаммедъ, по словамъ Корана, есть посланникъ и пророкъ, посланникъ ко всѣмъ людямъ (Коран. VII, 157) и геніямъ (воздушнымъ духамъ) (Коран. 46 гл. 28 ст.). Магометане болѣе усердствуютъ, чѣмъ самый Коранъ, развить ученіе о Магометѣ, какъ пророкѣ-посланникѣ Бога и поставить его выше всѣхъ другихъ пророковъ. Понятно: отстаивать пророческое достоинство Мухаммеда вполнѣ естественно для мусульманскихъ богослововъ, потому что на этомъ ученіи, какъ на фундаментѣ, зиждется весь Исламъ.

Если справедливымъ считать, что Мухаммедъ есть посланникъ Божій, тогда будетъ справедливымъ и принять ученіе его истиннымъ, но Мухаммедъ есть ложный пророкъ и ложно его ученіе. Короче, нѣтъ мухаммеданства, если Мухаммедъ не пророкъ. Таково важное значеніе этого ученія магометанъ, а потому неудивительно, что они напрягаютъ всѣ усилія отстоять это ученіе. Они не находятъ и словъ, и выраженій, чтобы возвеличить Мухаммеда, какъ своего пророка, особенно этимъ отличаются сунниты, т. е. магометане, признающіе—„сунну“ или преданіе, каковые всѣ магометане населяющіе Россійскую Имперію. Особенно же они стараются восхвалить Мухаммеда своимъ ученіемъ о *Миграджѣ*. Шіиты, (не пріемлющіе преданія, напримѣръ Персы) считаютъ Миграджъ не дѣйствительнымъ событіемъ, а только *«видѣніемъ во снѣ»* и не придаютъ ему никакого особеннаго значенія. Сунниты же составили догматическое ученіе о необходимости каждому мусульманину признавать истинность Миграджа. Исповѣдуя же Миграджъ, какъ несомнѣнное событіе и мой собесѣдникъ пожелалъ вести рѣчь со мною о Миграджѣ, какъ о поразительнѣйшемъ и яснѣйшемъ по его мнѣнію, доказательствѣ истинности мухаммеданской вѣры. Миграджемъ мусульмане хотятъ доказать истинность своего ученія. Вѣря искренно ученію „о Миграджѣ“ и чувствуя подъ собою, *якобы твердую почву*, мой собесѣдникъ намѣтилъ самъ предметомъ бесѣды нашей ученіе о Миграджѣ; онъ имѣлъ у себя въ рукахъ *выписки*, которыя какъ видно были сдѣланы имъ давно, и часто были пополняемы.

— Прежде опредѣлимъ, что такое Миграджъ? спросилъ я своего собесѣдника.

— Слово „Миграджъ“ арабское. Начало его „гараджа“—взошелъ, поднялся; Миграджъ—лѣстница, восхожденіе, въ ходисахъ [1]) нашихъ Миграджъ значитъ—восхожденіе Мухаммеда на небо и въ Миграджѣ передается то, что видѣлъ Мухаммедъ на небѣ.

— Но въ этомъ разсказѣ передается и то, что Мухаммедъ

[1]) Разсказахъ, или преданіяхъ.

дѣлалъ на землѣ до своего восхожденія, напр. о путешествіи его въ Іерусалимъ.

— Да, да; но это введеніе, предисловіе, а главная сущность разсказа есть „путешествіе Мухаммеда на небо“. Впрочемъ Мигараджъ означаетъ ночное путешествіе Мухаммеда (миръ ему!) изъ Мекки до Іерусалима, а оттуда по 7 небесамъ до Бога, и обратное путешествіе его въ Мекку,—вотъ вамъ наше опредѣленіе „Мигараджа“. И это путешествіе Мухаммеда случилось въ одну изъ ночей мѣсяца Рабіа, за годъ до бѣгства (гиджры) Мухаммеда изъ Мекки въ Медину. Ночь, въ которую случилось путешествіе Мухаммеда на небеса, была страшная и тихая, ночей такихъ никогда не бывало и не бываетъ. Пѣнія пѣтуховъ не было, собаки молчали, все нѣмѣло, казалось все на землѣ умерло. Люди всѣ спали. Спалъ и Мухаммедъ, и вотъ среди такой-то ночи Мухаммеда разбудилъ голосъ: „Встань спящій!“ — Мухаммедъ проснулся, всталъ и видитъ предъ собою архангела Гавріила. Тѣло у архангела „Джабраила“ было свѣтло; онъ былъ бѣлъ, какъ снѣгъ, 70 паръ крыльевъ его украшены были блестящими драгоцѣнными камнями; волнистые волосы развивались по плечамъ его; вся одежда его была покрыта жемчугомъ и золотомъ.— На челѣ его была изъ блестящаго металла дощечка съ надписью: „Нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха, Мухаммедъ—посланникъ Его“.— Джабраилъ подошелъ къ пророку и сказалъ ему: Богъ тебѣ приказалъ въ эту ночь взойдти на небо и видѣть всѣ милости Его. Мухаммедъ поспѣшилъ исполнить повелѣніе Аллаха, совершилъ омовеніе и готовился въ путь. Джабраилъ, между тѣмъ, подвелъ къ Мухаммеду бѣлаго коня, который не былъ похожъ ни на одного изъ живущихъ на землѣ животныхъ. Лице его было человѣчье, а щеки и губы лошадиныя. Правый високъ былъ изъ желѣзной ткани, а лѣвый—изъ накладного золота. Глаза блестѣли какъ звѣзды, они были изъ гіацинта и выпускали изъ себя лучи жгучіе, какъ солнце. Грива была изъ жемчуга, маргарита и гіацинтовъ. Уши изумрудныя; шея, грудь и спина украшены были драгоцѣнными камнями, которые блестѣли, какъ звѣзды, изда-

вали свѣтъ, какъ молнія. Длинный, свѣтящійся, какъ комета, хвостъ его былъ весь осыпанъ изумрудами. По своему ослѣпительному блеску и неимовѣрной быстротѣ онъ назывался—*Аль-Боракъ*, что значитъ „молнія“. Ростомъ онъ былъ больше осла, но меньше мула. Непрестанно онъ подергивалъ ушами и во время бѣга своего ставилъ ногу свою на томъ мѣстѣ, куда досягалъ глазъ его. Помимо ногъ у него была пара орлиныхъ крыльевъ изъ жемчужныхъ нитей, пестрыхъ, какъ лучъ; свѣтъ и драгоцѣнные камни украшали эти крылья. Когда распускалъ Аль-Боракъ свои крылья, то онъ занималъ все огромное пространство между небомъ и землей. Запахъ, испускаемый имъ изъ своего желудка, былъ для обонянія Мухаммеда пріятнѣе всѣхъ запаховъ земли. Аль-Боракъ имѣлъ человѣческую душу. Онъ слышалъ и понималъ, что̀ ему говорили, *но самъ не могъ ни спрашивать, ни отвѣчать.*

Когда Мухаммедъ хотѣлъ сѣсть на взнузданнаго Аль-Борака, онъ началъ брыкаться и бросаться въ сторону, прочь отъ него. „Аль-Боракъ, сказалъ Джабраилъ, почти пророка Аллаха! Ни одинъ изъ пророковъ, садившихся на тебя, „не былъ превознесенъ Богомъ выше сего пророка!“ „О, Джабраилъ (Гавріилъ), отвѣчалъ Аль-Боракъ, развѣ не садился на меня нѣкогда Авраамъ, другъ Божій, когда онъ ѣхалъ навѣстить сына своего Измаила? О Джабраилъ! не этотъ ли пророкъ есть ходатай предъ Богомъ, проповѣдникъ совершеннѣйшей вѣры?—Да, это онъ, отвѣчалъ Джабраилъ, это Мухаммедъ, сынъ Абдаллаха, онъ начальникъ сыновъ Адама пророка. Первый изъ пророковъ пророкъ, онъ главный начальникъ рая. Ни одно творенье не можетъ войдти въ рай безъ его ходатайства.—Онъ ходатай предъ Богомъ. У него по правую руку небеса въ награду вѣрующимъ въ Бога по его ученію, а по лѣвую—адскій огонь для мученія противниковъ его ученія.

— О, Гавріилъ, воскликнулъ Аль-Боракъ, я неосмѣливаюсь просить самъ Мухаммеда, но ты попроси, чтобы и мнѣ онъ былъ ходатаемъ въ день воскресенія предъ Богомъ.—„Будь покоенъ,

ты будешь по моему ходатайству со мною въ раю, сказалъ Мухаммедъ. Послѣ такого обѣщанія, Аль-Боракъ приблизился къ Мухаммеду и далъ ему сѣсть на себя и взвился, какъ птица къ небу и полетѣлъ съ быстротою молніи къ Іерусалиму, а Гавріилъ былъ проводникомъ Мухаммеда и держалъ крѣпко Аль-Борака подъ уздцы [1]).

— Скажите, пожалуста, Х. Б., откуда Мухаммедъ отправился въ это путешествіе?

— Разно о семъ наши преданія говорятъ. Можно думать, что онъ отправился изъ Мекки, да это и вѣрно; но кто говоритъ, что Мухаммедъ съ ложа своего отправился, это несомнѣннѣе, а кто говоритъ,—отъ Каабы.

Путь Мухаммеда отъ Мекки до Іерусалима.

Когда Мухаммедъ пролеталъ, какъ молнія, между небомъ и землею отъ Мекки до Іерусалима, Гавріилъ вскричалъ ему: остановись Мухаммедъ, сойди на землю и сотвори молитву въ два рикаата т. е. молитву съ 2-мя поклонами. Они спустились на землю. Мухаммедъ сотворилъ молитву и спросилъ Гавріила: другъ мой, зачѣмъ здѣсь велѣлъ ты мнѣ молиться?—„Здѣсь гора Синай, гдѣ Богъ бесѣдовалъ съ Моисеемъ и далъ ему законъ“,—отвѣтилъ Архангелъ Гавріилъ.

Вторичная подобная же остановка была еще послѣ сего, когда они летѣли дальше. Здѣсь Гавріилъ велѣлъ, какъ объяснилъ онъ—послѣ, остановиться потому, что на семъ мѣстѣ находился Виѳлеемъ, гдѣ родился сынъ Маріи, Іисусъ. Опять послѣ этого дальше понеслись они. Тогда раздался голосъ съ правой стороны: о Ахмедъ, остановись немножко, я поговорю немного съ тобою: я самое преданное тебѣ существо изъ всѣхъ тварей. Но Мухаммедъ не остановился; не въ силахъ былъ остановить полетъ Аль-Борака.

---

[1]) Разсказъ о Миграджѣ здѣсь приводится согласно суннитскимъ преданіямъ нѣсколько подробнѣе, чѣмъ разсказывалъ мой собесѣдникъ, хотя и имъ не было ничего существеннаго опущено.

Послышался съ лѣвой стороны такой же голосъ, но остановки и здѣсь не было.

Вдругъ предъ Мухаммедомъ предстала красивѣйшая дѣва, съ удивительно причудливо заплетенною косою волосъ, убранная во всѣ сокровища земного міра, и просила Мухаммеда остановиться, рекомендуя себя добрѣйшею изъ всѣхъ тварей. Но остановки и здѣсь не было.

Наконецъ они прибыли къ воротамъ Іерусалимскаго храма: Мухаммедъ слѣзъ съ Аль-Борака, привязалъ его къ кольцу, къ которому обыкновенно привязывали его всѣ пророки, ѣздившіе на немъ прежде Мухаммеда. Мухаммедъ вошелъ въ храмъ и увидѣлъ тамъ многихъ пророковъ, бывшихъ до него, которые встрѣчали его весьма торжественно. По рѣчамъ ихъ Мухаммедъ узналъ, что здѣсь были: Адамъ, Ной, Авраамъ, Моисей, Давидъ, Соломонъ, и Іисусъ. Здѣсь Мухаммедъ помолился, воздалъ славу Богу и исчислилъ свои преимущества предъ другими пророками. Послѣ того всѣ пророки сдѣлали поклонъ ему и подтвердили единодушно, что онъ высшій пророкъ, печать пророковъ. Совершивъ съ ними молитву, при каковой молитвѣ Мухаммедъ былъ самъ Имамомъ или предстоятелемъ, онъ просилъ у Гавріила объясненія тѣхъ голосовъ, которые онъ слышалъ во время путешествія своего сюда. Гавріилъ такъ объяснилъ Мухаммеду: первый голосъ съ правой стороны былъ голосъ еврея. Если-бы ты его послушался, то весь народъ твой обратился бы въ іудейство. Второй голосъ былъ голосъ христіанина. Если бы ты послушался его, то весь народъ твой склонился бы къ христіанству. Дѣва—это міръ съ его прелестями, и если бы ты остановился, то народъ твой ради земныхъ удовольствій забылъ бы о вѣчномъ блаженствѣ и погибъ бы за это. А вотъ, Мухаммедъ, тебѣ приношу два сосуда, одинъ съ виномъ, другой съ молокомъ, выпей, чего хочешь! Мухаммедъ выпилъ молока, и ангелъ одобрилъ выборъ его, и сказалъ: за это народъ твой будетъ трезвъ.

Путь на первое небо.

Въ это время съ неба опустилась *лѣстница* изъ лучей свѣта и оперласъ концомъ въ основной камень храма (Сахрà) камень Іакова. Мухаммедъ съ Гавріиломъ скоро взобрались на самый верхъ ея. Потомъ они достигли до *перваго* неба, которое, какъ свидѣтельствуетъ Мухаммедъ, отстоитъ отъ земли на 500 лѣтъ пути. Первое небо сдѣлано изъ чистаго серебра. Къ своду его привѣшаны на золотыхъ цѣпяхъ звѣзды, которыя и видятъ люди съ земли. Эти звѣзды величиною съ гору. Охраняетъ это небо ангелъ Асмаилъ, у котораго въ распоряженіи 70 тысячъ ангеловъ, изъ которыхъ у каждаго 70 тыс. ангеловъ въ повиновеніи. У каждой звѣзды свой ангелъ—сторожъ. Эти ангелы—стражи отгоняютъ демоновъ отъ неба, когда демоны приближаются къ небу, чтобы подслушать небесныя тайны. Коранъ свидѣтельствуетъ (37, 6—10): „Мы, говоритъ Богъ, украсили нижнее небо красотою звѣздъ, для охраненія его отъ всѣхъ дерзкихъ діаволовъ, когда они стараются подслушать верховный сонмъ, и стремятся туда со всѣхъ сторонъ“. (Сравн. Коран. 67, 5). Когда Гавріилъ постучался въ дверь перваго неба, то голосъ изнутри спросилъ: „Кто тамъ?“—Это я—„Гавріилъ“—„а съ тобой кто?“—„Мухаммедъ“.—Дверь отворилась, и путники вошли. Подобные вопросы давались при дверяхъ каждаго неба. Всѣ ангелы перваго неба привѣтствовали Мухаммеда. Здѣсь встрѣтилъ Мухаммеда старецъ, которому по повелѣнію Гавріила, Мухаммедъ поклонился—это Адамъ, который назвалъ Мухаммеда величайшимъ чадомъ своимъ. Здѣсь путешествуя, Мухаммедъ увидѣлъ множество ангеловъ, нѣкоторые изъ нихъ имѣли образъ человѣка, другіе птицъ, иные звѣрей различныхъ родовъ. Гавріилъ объяснилъ ему, что эти ангелы ходатайствуютъ предъ Богомъ за всѣхъ живущихъ на землѣ: человѣкообразные—за людей, звѣрообразные за звѣрей, каждый образъ за свою породу образа своего. Особенно подивился Мухаммедъ пѣтуху. Пѣтухъ этотъ былъ бѣлый, какъ снѣгъ, и такъ великъ, что гребень его касался 2-го неба,

которое выше перваго на пять сотъ лѣтъ пути. Когда этотъ пѣтухъ распростиралъ свои жемчужныя крылья, то одно касалось востока, другое—запада. Этотъ пѣтухъ есть ангелъ всѣхъ земныхъ пѣтуховъ: онъ каждое утро восхваляетъ Бога. Онъ пѣніемъ своимъ будитъ всѣхъ земныхъ тварей, кромѣ людей и геніевъ. Услыша пѣніе его, всѣ птицы начинаютъ пѣть хвалу Богу. Богъ особенно благосклонно выслушиваетъ—три голоса всегда: голосъ человѣка читающаго Коранъ, голосъ молящагося каждое утро о прощеніи грѣховъ своихъ, и голосъ этого пѣтуха. Въ день кончины міра пѣтухъ сей по повелѣнію Бога сложитъ крылья свои и не станетъ пѣть больше. Всѣ замѣтятъ это и будутъ знать, что скоро день суда, но незамѣтятъ этого только люди и геніи (бѣсы). Видѣлъ здѣсь Мухаммедъ и души человѣческія, которыхъ различалъ по запаху: добрая душа—хорошій запахъ, злая, невѣрующая душа—гнусный запахъ. Мухаммедъ видѣлъ, какъ прелюбодѣи, съ наслажденіемъ нюхали гнилое мясо. Онъ видѣлъ здѣсь нѣкоторыхъ людей, которымъ другіе бросали въ открытые ихъ рты раскаленные камни, извергая ихъ изъ себя—это обидчики сиротъ. Видѣлъ онъ еще мужей съ огромнымъ брюхомъ, которые лишь не надолго вставали на мѣстѣ, а потомъ снова падали то на спину, то на брюхо—это люди, не знавшіе поста. Съ перваго неба Мухаммедъ съ Гавріиломъ перешли на второе небо.

Второе небо.

Второе небо было изъ гладкой стали ослѣпительнаго блеска. Здѣсь Мухаммедъ встрѣтилъ пророка Ноя, который, обнявъ Мухаммеда, привѣтствовалъ его, какъ величайшаго изъ пророковъ. На этомъ небѣ видѣлъ Мухаммедъ болѣе ангеловъ, нежели на первомъ. Здѣсь былъ одинъ ангелъ необыкновенной величины, такъ что доставалъ, стоя на ногахъ, головой до 3 неба. Встрѣтилъ здѣсь Мухаммедъ съ *сыновьями двухъ сестеръ* [1]), т. е. Іоан-

[1]) Мусульмане праведную Елисавету, жену Захаріи, и Пресвятую Дѣву Марію считаютъ родными сестрами, а Іоанна Крестителя и Іисуса Христа двуюродными братьями.

номъ и Іисусомъ, которые пожелали Мухаммеду и Гавріилу милости отъ Бога.

Третье небо.

Со втораго неба Мухаммедъ и Гавріилъ перешли на третье небо. Это небо устроено было изъ драгоцѣнныхъ камней, которыхъ блескъ былъ ослѣпителенъ для человѣческаго глаза. Они встрѣтили здѣсь Іосифа, сына Іаковлева, чудной красоты. Здѣсь ангеловъ было еще болѣе, чѣмъ на 2 небѣ. Здѣсь былъ ангелъ чрезвычайной величины, такъ что разстояніе между его глазами составляло пространство, проходимое въ 70 тысячъ дней. Предъ нимъ въ повиновеніи находятся 100 тысячъ ангеловъ. Предъ нимъ была раскрыта огромная книга, въ которой онъ непрестанно то писалъ, то зачеркивалъ. Кто этотъ ангелъ?—спросилъ Мухаммедъ.—„Это Азраилъ,“—сказалъ Гавріилъ,—ангелъ смерти; онъ непрестано вписываетъ въ эту книгу жизни тѣхъ, кто долженъ родиться, и вычеркиваетъ имена тѣхъ, кто прожилъ назначенное ему время, а потому тѣ люди, какъ только стирается ихъ имя, умираютъ.

Четвертое небо.

Далѣе въ порядкѣ путешествія, Мухаммедъ и Гавріилъ во мгновеніе ока явились на *четвертое* небо. Это небо было изъ изумруда. И на этомъ небѣ было безконечное множество ангеловъ, между которыми былъ одинъ высотою во 100 дней пути, и онъ постоянно плакалъ о людскихъ грѣхахъ и о наказаніяхъ, которыя люди навлекаютъ на себя. Ангелъ плакалъ такъ, что слезы лились изъ его глазъ рѣкою, по которой плавали лодочки. На томъ небѣ съ Мухаммедомъ встрѣтился Идрисъ пророкъ (Энохъ), который изъявилъ свое желаніе быть послѣдователемъ Мухаммеда, потому что безъ этого никто не достигнетъ райскаго блаженства. Богъ, говорилъ Идрисъ, мнѣ сказалъ, что послѣдователи Мухаммеда удостоены будутъ рая за чтеніе главы Корана—„Ихлась“ [1]) и за то, что совершаютъ намазъ [2]) въ пятницу.

---

[1]) т. е. за чтеніе 112 главы Корана „чистое исповѣданіе“.

[2]) т. е. молитву въ мечети.

Пятое небо.

Пятое небо, куда прибыли Мухаммедъ и Гавріилъ, было изъ брилліантовъ. Ангеловъ здѣсь было множество. Тутъ былъ ангелъ мести, ангелъ огня. Онъ былъ безобразнѣйшій и страшнѣйшій: лицо его мѣднаго цвѣта, покрыто было бородавками и наростами и прыщами, изъ глазъ сверкала молнія. Сидѣлъ онъ на огненномъ престолѣ; въ рукахъ его было пламенное копіе, а въ ногахъ—груда огненныхъ цѣпей. Если бы онъ сошелъ съ неба на землю въ этомъ своемъ видѣ, то горы сгорѣли бы, моря высохли бы и всѣ живущіе умерли бы. Этотъ ангелъ мститъ грѣшникамъ и невѣрнымъ. Здѣсь встрѣтился Мухаммеду Ааронъ пророкъ. У этого пророка одна половина бороды была черная, а другая совершенно бѣлая.

Шестое небо.

Съ пятаго неба перешли Гавріилъ и Мухаммедъ на шестое, которое было изъ прозрачнаго карбункула. Здѣсь увидался Мухаммедъ съ пророкомъ Моисеемъ, который былъ весь краснаго цвѣта. Моисей привѣтствовалъ Мухаммеда и горько заплакалъ. Когда Мухаммедъ спросилъ его, о чемъ онъ плачетъ: „охъ, Мухаммедъ, я представилъ себѣ, что степень моего блаженства выше всѣхъ. Но оказывается, ты опередилъ меня и твои послѣдователи будутъ многочисленнѣе моихъ и войдутъ въ рай впередъ моихъ. А большинство моихъ послѣдователей пойдутъ въ адъ“.

На шестомъ небѣ былъ огромный ангелъ, по имени Ардаилъ, созданный изъ двухъ стихій: одна половина его была изъ снѣга, а другая изъ огня, однакоже ни снѣгъ не таялъ отъ огня, ни огонь не гасъ отъ снѣга. Ангелы здѣсь воспѣвали: „О Боже, Ты соединилъ огонь и снѣгъ, соедини и всѣхъ въ повинове́ніи Твоему закону!“—„Этотъ ангелъ, сказалъ Гавріилъ Мухаммеду, есть хранитель неба и земли. Онъ посылаетъ ангеловъ къ людямъ твоего народа, чтобы склонить ихъ къ признанію твоего пророческаго достоинства и призвать ихъ на служеніе Богу. Онъ будетъ посылать ихъ до самаго дня воскресенія“.

Седьмое небо.

Продолжая свой путь, Мухаммедъ и Гавріилъ наконецъ достигли седьмаго неба. Что и сколько здѣсь видѣлъ дивныхъ вещей Мухаммедъ, даже языкъ человѣческій, говорятъ Мухаммеданскія преданія, не въ состояніи выразить. Небо это было устроено необыкновеннымъ, чуднымъ образомъ изъ небеснаго свѣта. Ангеловъ здѣсь было больше, чѣмъ на всѣхъ шести небесахъ. Это превосходнѣйшее небо изъ всѣхъ небесъ! Здѣсь былъ такой громадный ангелъ, что земля меньше его. Этотъ ангелъ имѣлъ 70 тысячъ головъ, у каждой головы—70 тысячъ ртовъ, въ каждомъ ртѣ 70 тысячъ языковъ, каждый языкъ говорилъ на 70 тысячъ различныхъ нарѣчій. Снабженный такимъ количествомъ языковъ (343,000,000,000,000) этотъ ангелъ непрестанно воспѣвалъ громко хвалу Всевышнему.—При входѣ на это небо Мухаммедъ былъ встрѣченъ патріархомъ Авраамомъ. Они любезно привѣтствовали другъ друга. Съ Авраамомъ было очень много народа Мухаммедова: одна часть изъ нихъ была въ бѣлыхъ одеждахъ, другая въ сѣрыхъ; послѣдніе—это были тѣ, у коихъ добродѣтели перемѣшаны были съ худыми дѣлами, но все вмѣстѣ было хорошо. Это небо было предназначено Мухаммеду и его народу въ жительство. Нѣкоторые передаютъ, что вмѣсто Авраама Мухаммедъ увидѣлъ здѣсь Іисуса Христа, Который просилъ Мухаммеда за себя помолиться Богу.—Мухаммедъ и его спутникъ отправились далѣе по 7 небу къ „Бейтъ-уль Меамуру“, т. е. къ „Дому посѣщенія“,—построенному изъ рубиновъ, окруженному вѣчно горящими лампадами или люстрами. Снаружи онъ похожъ на Каабу въ Меккѣ и стоитъ на седьмомъ небѣ прямо надъ Меккскою Каабою. Ежедневно 70 тысячъ ангеловъ высшаго разряда поочереди приходятъ къ этому храму на поклоненіе и совершаютъ вокругъ него священные обходы. Въ очередь придется только разъ обойдти этимъ ангеламъ до всеобщаго суда. Мухаммедъ присоединился къ симъ очереднымъ ангеламъ и совершилъ съ ними хожденіе вокругъ храма этого 7 разъ. Отсюда, разсказываетъ Мухаммедъ въ мусульманскихъ преданіяхъ, пере-

шли мы—къ крайнему Лотосу, дереву, находящемуся по правую сторону невидимаго престола Божія. Этотъ Лотосъ составляетъ предѣлъ извѣстнаго тварямъ міра.

Это дерево прекраснѣйшее изъ всѣхъ созданій, какія сотворены Богомъ. Вѣтви его шире разстоянія между солнцемъ и землею; листья его похожи на слоновыя уши; величиною своею одинъ листъ покроетъ весь народъ, населяющій Аравію. Ангелы въ неисчислимомъ множествѣ блаженствуютъ въ тѣни этого дерева; тысячи тысячъ птицъ играютъ въ вѣтвяхъ его, воспѣвая стихи Корана. Плодъ этого дерева нѣжнѣе молока и слаще меда. Однимъ плодомъ можно насытить все живущее на землѣ. Въ каждомъ плодѣ есть много сѣмячекъ, а въ каждомъ заключается черноокая дѣва—гурія, созданная для блаженства Мухаммеданъ. Изъ подъ корня этого дерева текутъ четыре источника: два изъ нихъ въ рай, два въ адъ. Изъ этихъ двухъ первыхъ одинъ впадаетъ въ Ефратъ, а другой въ Нилъ. Въ одномъ изъ источниковъ—Рахматъ—„я омылъ свое тѣло, и мнѣ прощены были всѣ грѣхи и прошедшіе и будущіе“, говорилъ Мухаммедъ.

Гавріилъ дальше уже не могъ идти съ Мухаммедомъ, который напрасно принуждалъ его продолжать путь: „каждому изъ насъ назначено свое мѣсто, если кто изъ ангеловъ перешагнетъ свое мѣсто, то огонь сожжетъ его“.—Когда Мухаммедъ былъ у дерева Лотоса, на землѣ настала полночь. Вдругъ заколебались небо и земля и страшный гулъ услыхалъ Мухаммедъ. „Это Биляль [1]) вышелъ изъ дому и идетъ въ мечеть, шумъ этотъ отъ его башмаковъ. Земля трясется отъ страха предъ его благочестіемъ, небо колеблется отъ его любви къ Богу“,—объяснялъ Гавріилъ Мухаммеду, который пожелалъ видѣть Биляля съ 7-го неба. Мухаммедъ далѣе по 7 небу отправился одинъ. Вошелъ онъ въ рѣку Кауся и, переплывъ ее, вступилъ въ рай, гдѣ видѣлъ птицъ величиною съ большихъ верблюдовъ. Тамъ онъ увидѣлъ дѣвицу,

[1]) Азанчи, современный Мухоммеду. Азанчи—это человѣкъ призывающій съ микарета мечети людей на молитву.

предназначенную Зейду. Потомъ увидѣлъ онъ огонь геенны, и пролетѣлъ быстрѣе мысли неизмѣримое пространство, чрезъ область ослѣпительнаго свѣта и чрезъ глубокій мракъ. Потомъ пробрался онъ скозь 70 занавѣсокъ и вдругъ явился предъ трономъ Аллаха. Ужаснулся Мухаммедъ и преисполнился великаго благоговѣнія при видѣ этого трона. Всѣ семь небесъ и семь земель были меньше его. Сіялъ онъ весь изумрудомъ. На правой сторонѣ его было написано: Нѣтъ Бога, кромѣ Бога и Мухаммедъ посланникъ Бога. На противоположной сторонѣ написано: Богъ... нѣтъ другаго достопоклоняемаго, кромѣ Его, Живаго, присносущаго (Коран. 2, 25, 6). Вокругъ престола стояло со всѣхъ 4 сторонъ по 10 тысячъ троновъ меньшаго размѣра. Въ каждомъ изъ нихъ сидѣлъ ангелъ и читалъ 256-й стихъ „курси“ изъ 2 главы Корана. Мухаммедъ поклонился Богу и стоялъ отъ Господа въ разстояніи двухъ роговъ лука. Богъ простеръ свою десницу и положилъ на плечо Мухаммеда, а другую руку на грудь его. Холодъ проникъ Мухаммеда, но потомъ скоро онъ почувствовалъ себя *блаженнѣйшимъ* и Богъ началъ бесѣдовать съ нимъ, какъ съ любимымъ своимъ другомъ, и открылъ ему Богъ много тайнъ. Богъ объяснилъ ему законъ, который должно было утверждать въ людяхъ. Далъ ему право быть ходатаемъ за всѣхъ въ день общаго суда [1]). Назначилъ Богъ на каждый день 50 молитвъ для всѣхъ вѣрующихъ мусульманъ съ тѣмъ что бы они исполняли ихъ, какъ самую главную и священную обязанность.

Мухаммедъ увидалъ, что одна душа человѣческая проникла чрезъ 70 занавѣсокъ и была у Престола Божія. Эта душа, сказалъ ему Богъ, есть душа пророка, который спустя 500 лѣтъ явится въ міръ и имя котораго будетъ такое же, какое у тебя, почетное же прозваніе его будетъ Бега-уд-динъ.

Кромѣ сего Мухаммедъ увидалъ еще у престола Аллаха, четыре души, которыя съ великимъ вниманіемъ читали книги, ни на минуту не отводя отъ нихъ своихъ глазъ; иногда они всту-

[1]) Въ Коранѣ нѣтъ никакого основанія для этого права.

пали между собою въ ученые споры. Эти четыре души—четыре великіе ученые мужи изъ твоихъ послѣдователей. Первый изъ нихъ Нугманъ изъ Куфы, второй—Маликъ изъ Медины, третій—Ахметъ Ханбяль изъ Египта, четвертый—Шафій, съ острова Шафій.

Послѣ этихъ подробныхъ разговоровъ Мухаммедъ отправился въ обратный путь.

Обратный путь Мухаммеда съ неба въ Мекку.

Мухаммедъ, оставивъ Аллаха, прибылъ опять къ дереву Лотосу, здѣсь встрѣтился съ Гавріиломъ, который повелъ его, по повелѣнію Божію, показать ему рай и адъ. По дорогѣ осмотрѣли они море Кяусярь, дивное по сладости и пахучести своей воды, и по берегамъ котораго разставлены кубки изъ золота, серебра, гіацинта, изумруда и жемчуга.

Пустили ихъ скоро въ рай. Рай былъ прекраснымъ садомъ. Тутъ было множество палатокъ, въ которыхъ жили гуріи или вѣчно юныя дѣвы, назначенныя для блаженства послѣдователей Мухаммеда. Были тутъ дивныя птицы, чудныя деревья и цвѣты. Были тутъ и верблюды, на которыхъ отъ нечего дѣлать катались гуріи.

Потомъ путники осмотрѣли адъ. Привратникъ ада Маликъ отперъ имъ двери. Нестерпимый огонь жарилъ всюду грѣшниковъ. Желѣзныя цѣпи связывали шеи, руки и ноги несчастнымъ. Ангелы—мучители жестоко били ихъ своими желѣзными дубинами. Голодъ и жажда мучили страдальцевъ, но ангелы давали имъ горькую пищу, кипящую вонючую воду, отчего еще увеличивались болѣе мученія.

Здѣсь, въ аду, Мухаммедъ увидѣлъ своего отца и мать, которые умерли язычниками. Горько они просили своего сына Мухаммеда ходатайствовать предъ Богомъ за нихъ, но Богъ отклонилъ ходатайство Мухаммеда: „Я сдѣлалъ тебя, говорилъ Онъ, ходатаемъ только за твоихъ послѣдователей, и ты будь доволенъ“.

По осмотрѣ рая и ада, Мухаммедъ вернулся опять на седьмое небо и сталъ спускаться съ одного неба на другое. На пути встрѣтился съ нимъ Моисей, который спросилъ его, что требовалъ Аллахъ. „Чтобы каждый я день совершалъ 50 молитвъ". „Неужели ты надѣешься выполнить такое дѣло? Я прежде тебя дѣлалъ опытъ, я пробовалъ это съ дѣтьми Израиля, но тщетно; иди, возвратись, проси Бога уменьшить число молитвъ".—Мухаммедъ возвратился къ Богу и сказалъ: Господи, уменьши число молитвъ для народа моего; онъ не можетъ исполнить предписаннаго числа. Господь уменьшилъ число молитвъ до 45. Когда Мухаммедъ разсказалъ о своемъ успѣхѣ Моисею, послѣдній сдѣлалъ тотъ же совѣтъ: возвратиться и просить еще уменьшить число молитвъ. По совѣту его Мухаммедъ неоднократно возвращался къ Богу до тѣхъ поръ, пока число молитвъ не было уменьшено до 5, доколѣ Господь не сказалъ Мухаммеду: Мухаммедъ, больше не будетъ перемѣны. Совершай ежедневно 5 молитвъ. Каждая изъ нихъ равна 10 молитвамъ, а потому они тоже, что 50.—Мухаммедъ возвратился къ Моисею и передалъ ему о своемъ успѣхѣ, но и послѣ этого Моисей совѣтовалъ Мухаммеду просить у Бога уступки въ молитвахъ еще, но Мухаммедъ отказался: я получилъ уже столько снисхожденія, что просить еще—мнѣ совѣстно.—Съ этими словами онъ поклонился Моисею и ушелъ. Сопутствуемый Гавріиломъ, Мухаммедъ прошелъ внизъ черезъ 7 небесъ, по свѣтовой лѣстницѣ спустился онъ ко храму Іерусалимскому, гдѣ нашелъ привязаннымъ Аль-Борака, сѣлъ на него и въ одно мгновеніе отвезенъ былъ на тоже мѣсто, откуда былъ взятъ. Дорогой онъ встрѣтилъ караванъ мекксихъ купцовъ, искавшихъ потерявшагося верблюда, успѣлъ еще напиться воды изъ ихъ мѣха.

— Вотъ какой славы и чести былъ удостоенъ великій пророкъ нашъ Мухаммедъ (миръ ему), и вы, В. В., должны признать, что это чудо изъ чудесъ, совершеннѣйшее чудо.

— Но есть ли Миграджъ несомнѣнная истина? спросилъ я собесѣдника.

— Несомнѣнно. Такъ передается въ книгахъ Риссаля-и-Газизя. Истинно и то, что одинъ изъ пророковъ Мухаммедъ только разговаривалъ съ Богомъ самъ. Моисей на синаѣ только слушалъ. Невѣрный только можетъ отрицать Мигараджъ.

— Что же? по вашему мнѣнію, Мигараджъ есть несомнѣнно историческое событіе?

— Да, и чудное событіе.

— Но и не понятное?

— Потому что Мигараджъ есть тайна, которую никто не зналъ.

— Если никто не зналъ, кто же можетъ ручаться за достовѣрность Мигараджа?

— Оно само за себя ручается, потому что Мигараджъ есть чудо.

— Но чудо не можетъ служить опорою истинности или доказательствомъ несомнѣннаго историческаго факта до тѣхъ поръ, пока истинность самаго чуда не будетъ безспорно доказана, а Мигараджъ есть такое чудо, которое вы сами говорите, составляетъ тайну, которую открылъ одинъ Мухаммедъ, свидѣтелей же какъ историческаго событія Мигараджа нѣтъ. Да и самъ Мухаммедъ отказывается подтвердить его истинность. Когда жители Мекки говорили ему: „Мы не повѣримъ восхожденію твоему на небо, покуда не низведешь къ намъ оттуда писанія, которое бы мы могли прочитать, то онъ отвѣчалъ: не человѣкъ ли только я, избранный въ посланника? Даже изъ близкихъ къ Мухаммеду лицъ нѣкоторые протестовали противъ этого факта. Да шіиты, секта Ислама же вашего, и тѣ не хотятъ придать Мигараджу значенія, какъ историческому событію. „Это сонъ“, соглашаются они, но если *сонъ*, то въ такомъ случаѣ все чудесное исчезаетъ: видѣніе есть только видѣніе, и сновидецъ подобныхъ сновъ не есть чудотворецъ и видѣнное во снѣ не есть чудо.

— Нѣтъ, В. В., это не есть сонъ, а только бывшее событіе, историческое, доказанное временемъ, мѣстомъ и другими доказательствами.

— Временемъ доказать вамъ этого событія нельзя, потому что ваши преданія несогласны въ указаніяхъ на мѣсяцъ и день: одни говорятъ, что оно было въ ночь съ пятницы на субботу 17-го числа Рамазана, въ 13-ый годъ пророчества Мухаммеда; другіе говорятъ, что оно было въ мѣсяцѣ рабіи первомъ, а по словамъ третьихъ въ мѣсяцѣ реджебѣ. Кстати уже мы заговорили о времени: скажите вы, въ какое время совершилъ Мухаммедъ путешествіе?

— Опредѣляютъ тоже разно. Вы, я думаю, знаете это. Оно было совершено въ самое короткое время, такъ что когда Мухаммедъ возвратился, постель его не успѣла остынуть. Возвратясь съ неба, Мухаммедъ успѣлъ остановить паденіе со стола съ водой сосуда, который архангелъ Гавріилъ, улетая съ Мухаммедомъ въ путь, задѣлъ крыломъ.

— По вашему все путешествіе совершилось въ одно мгновеніе, иначе нельзя и предположить, потому что успѣлъ Мухаммедъ удержать въ воздухѣ падающій со стола сосудъ. И какъ это примирить, когда Таджъ-уддинъ говоритъ, что Мухаммедъ все подробно въ Іерусалимскомъ храмѣ осмотрѣлъ и на небесахъ, и проговорилъ съ Богомъ 99 тысячъ словъ; да онъ словоохотливъ былъ и съ другими пророками, съ коими видѣлся на небесахъ.

— Но все таки это не видѣніе; вы это не доказали еще. Тотъ же Таджъ-уддинъ говоритъ: не сомнѣнно знай, что Мираджъ былъ въ тѣлѣ, въ бодрственномъ состояніи, а не былъ въ сонномъ видѣніи. Шіиты заблуждаются; слова ихъ ложь.

— Сдѣлаемъ такъ, г. собесѣдникъ. Вы, мусульмане, а поэтому основывать всякое свое ученіе удобнѣе вамъ прежде всего на Коранѣ, который по вашему мнѣнію есть откровеніе Божіе, въ которомъ, по словамъ же его, въ 6 гл. въ 38 ст. и 59 сказано; что въ Коранѣ нѣтъ ничего, о чемъ бы было умолчано, или что либо опущено, а поэтому всякое ученіе мусульманское, по мнѣнію же мусульманъ, должно находиться въ Коранѣ, а если *въ немъ* нѣтъ *его*, то это ученіе не есть Богооткровенное, а вымышленное

людьми. Итакъ, скажите, гдѣ въ Коранѣ говорится о Миграджѣ? А прежде всего условимся: согласны ли вы допускать, что всякое ученіе мусульманское должно находиться прежде всего въ Коранѣ?

— Конечно. Вѣрующій мусульманинъ, еще дитятей будучи, знаетъ это, вѣруетъ этому.

— Хорошо. Итакъ, вотъ наше положеніе, съ которымъ вы согласны, какъ согласны должны быть и всѣ *истиновѣрующіе* мусульмане. Это положеніе я запишу на память намъ обоимъ: „всякое мусульманское ученіе должно находиться въ Коранѣ, и если въ Коранѣ нѣтъ его (этого ученія), то оно не Богооткровенное, а придуманное или вымышленное людьми“.—Точно ли я выразилъ наше положеніе?

— Да. Я согласенъ. Но къ чему это?

— Увидимъ послѣ. Теперь скажите, гдѣ въ Коранѣ говорится о Миграджѣ?

— Въ 17 главѣ, въ первомъ стихѣ.

— Переведите этотъ стихъ по русски какъ можете.

— „Хвала Тому, Кто въ нѣкоторую ночь содѣйствовалъ рабу своему совершить путь отъ запретной мечети къ отдаленной мечети, которой окрестности благословили, для того, чтобы показать ему нѣкоторыя изъ нашихъ знаменій. Истинно, онъ слышащій, видящій“. Поясню этотъ стихъ слѣдующими изъ 53 гл. Корана: „онъ нѣкогда видѣлъ его въ другой разъ у крайняго Лотоса, тамъ, гдѣ райская обитель, когда Лотосъ покрывало то, что покрывало. Взоръ его не обманывался и не блуждалъ. Дѣйствительно онъ тогда видѣлъ величайшія изъ знаменій Господа своего“—(13—18 ст.). Вотъ что говоритъ Коранъ о Миграджѣ!

— И только! Но вѣдь въ Миграджѣ больше подробностей... Откуда эти взяты?

— Изъ преданій.

— Эти стихи послужили только причиною фантастической повѣсти о Мигражѣ.

— Нѣтъ. Коранъ ясно учитъ о Мигражѣ. 17 главу иногда мы и называемъ вмѣсто „сыны израилевы“ „главою о Мигражѣ“.

— Гдѣ же ясно здѣсь говорится о Мигражѣ? Здѣсь, въ вышеприведенныхъ стихахъ, нѣтъ ни слова ни о 7 небесахъ, ни о раѣ, ни объ адѣ, ни о тронѣ и другомъ, о чемъ разсказывается въ Мигражѣ. Вы, конечно, согласны, что ни о чемъ объ этомъ *въ Коранѣ не говорится?*

— Вижу и знаю, что нѣтъ.

— Отсюда что же...?

— Отсюда, ясное пониманіе словъ Корана возможно только толковникамъ, въ ихъ книгахъ найдемъ объясненіе подробностей.

— Въ Коранѣ же *нѣтъ* этихъ подробностей?

— Я уже сказалъ.

— Хорошо. Что же говорятъ толковники?

— Вотъ у меня съ собою „Тафсири Фавайдъ“.

Собесѣдникъ началъ читать толкованіе на 1 ст. 17 главы Корана. Прочелъ онъ все.

Прочтенное имъ излагаетъ вкратцѣ о Мигражѣ разсказъ, который приведенъ нами выше, а поэтому, чтобы не повторяться, считаю возможнымъ разсказъ толковника не приводить подробно.

— Вотъ, продолжалъ собесѣдникъ, вникая въ смыслъ 1 ст. XVII гл., мы видимъ, что *подъ рабомъ* надо разумѣть *Мухаммеда;* подъ *запретною мечетью*—мечеть Меккскую; подъ *отдаленною мечетью*—храмъ Іерусалимскій. Слова: *истинно Онъ слышащій, видящій* означаютъ, что Богъ посадилъ въ ночь Мигража Мухаммеда на Аль-Борака и ввелъ его въ Іерусалимскій храмъ и на небо.

— Я вижу, г. собесѣдникъ, что „Тафсирь Фавоидъ“ разсказываетъ нѣсколько подробно о Мигражѣ, здѣсь упоминается и о Меккской мечети, о Іерусалимскомъ храмѣ, о Аль-Боракѣ.

— Вотъ вамъ этого и хотѣлось, вотъ я и ясно показалъ вамъ, что Мираджъ есть истинное событіе.

— Но вѣдь это говоритъ толковникъ, а не Коранъ. Основательно ли его толкованіе? Откуда взялъ толковникъ о Аль-Боракѣ, о ночи Мираджа, и о прочемъ, когда всего этого нѣтъ *въ самомъ Коранѣ?* Толковникъ долженъ объяснять то, что есть въ Коранѣ, какія либо неудобопонятныя слова или выраженія, а не выдумывать того, чего нѣтъ въ Коранѣ. Откуда онъ взялъ слова о Аль-Боракѣ? Какимъ образомъ изъ словъ Корана: онъ слышащій, видящій, вышло, что Богъ въ ночь Мираджа посадилъ пророка своего на Аль-Борака, вознесъ его на небо, послѣ посѣщенія имъ Іерусалимскаго храма? Очевидно, здѣсь толковникъ навязываетъ свои слова словамъ Корана, и только. Это толкованіе очень вольное, не основательное; это—чистѣйшій вымыселъ. Если такъ толковать Коранъ, то я могу толковать его, какъ угодно, и въ пользу свою, и пользу язычниковъ, и въ пользу вашу. Истинное толкованіе логически должно вытекать изъ толкуемаго, и самое толкованіе внутренне и внѣшне неразрывно связано съ толкуемымъ мѣстомъ. Чѣмъ неразрывнѣе эта связь, тѣмъ истиннѣе, несомнѣннѣе толкованіе, а приведенное толкованіе требуетъ еще другаго толкованія: откуда, почему—такъ толкуетъ. Это не толкованіе, а выдумка.

— Ну, это преданіе.

— Преданіе—не Коранъ! Коранъ передаетъ, по вашему же ученію, слово Божіе, а преданіе передаетъ простой человѣкъ, хотя и ученый, хотя и святой, но не Богъ.—Другіе толковники также толкуютъ эти стихи Корана.

— Значитъ, тоже произвольно. Они основываются на преданіи, а не на Коранѣ. Коранъ говоритъ только, что какой то рабъ Божій путешествовалъ ночью изъ запретной мечети въ отдаленную мечеть. А мусульмане составили цѣлый разсказъ и говорятъ, что это историческое событіе. Но исторія всегда указываетъ на мѣсто, время этого событія и на лицо, и при комъ оно совершалось.

— Это намъ извѣстно. Я уже говорилъ, что Мухаммедъ совершилъ Мираджъ и указалъ подробно мѣсто и время совершенія этого событія.

— Вѣдь вы указали на преданіе, но не на Коранъ. Коранъ точно ничего не говоритъ ни о времени, ни о мѣстѣ, ни даже о лицѣ. Безпристрастный читатель и не подумаетъ историческое значеніе придавать разсказу о Мираджѣ. Да и Таджъ-уддинъ говоритъ, что въ Коранѣ о путешествіи на небо Мухаммеда ничего не говорится.

— Но онъ ссылается на преданіе и вѣритъ этому.

— Значитъ и Таджъ-уддинъ согласенъ, что о Мираджѣ въ Коранѣ не говорится.

— Но всѣ мусульманскіе ученые свидѣтельствуютъ о Мираджѣ, какъ исторически доказанномъ фактѣ.

— Но это свидѣтельство не основательно.

— Въ Коранѣ каждое слово чудо.

— Не знаю. Но выдумывать чудеса къ каждому слову Корана не должно вѣрному толковнику, иначе онъ будетъ придумывать отъ себя, и свой вымыселъ ставить на равнѣ съ Божіимъ словомъ, а это равно тому, если человѣкъ свои слова и мысли будетъ выдавать за Божественныя, богооткровенныя.

— Это тогда будетъ нечестіе!

— Да. Потому толковникъ грѣшитъ непростительно, приписывая Корану то, чего онъ самъ не свидѣтельствуетъ. Итакъ, мы необходимо пришли къ тому заключенію, что въ Коранѣ нѣтъ о Мираждѣ яснаго указанія; тамъ нѣтъ этого ученія, а чего нѣтъ въ Коранѣ, то придумано людьми, значитъ Мираджъ есть вымыселъ людей, а ученіе о немъ не есть богооткровенное ученіе. Согласны?

— Ученіе о Мираджѣ есть преданіе.

— Но нельзя ли согласиться съ тѣмъ, что если Коранъ не говоритъ о Мираджѣ, значитъ и Мухаммедъ ничего не могъ говорить о немъ?

— Но Мухаммедъ не все, говоренное имъ, записывалъ въ Коранъ.

— Я же буду еще настаивать на томъ, что мусульмане, называя Мигараджъ чудомъ, и желая указать свидѣтельство о семъ въ Коранѣ, противное дѣлаютъ самому Корану.

— Это какъ же?

— Если Мигараджъ дѣйствительно есть чудо, то Мухаммедъ чудотворецъ, но Коранъ не свидѣтельствуетъ и не называетъ Мухаммеда чудотворцемъ.

— Ну ужъ это напрасно вы, В. В., говорите, сказать: Мухаммедъ не чудотворецъ, это все равно что сказать: Мухаммеда совсѣмъ не было? а? Можетъ быть и до этого мы договоримся, а? ха—ха!..

— Запишите въ свою книгу, что о. В. В. хочетъ утверждать и утверждаетъ, что Коранъ не говоритъ, что Мухаммедъ чудотворецъ, а свидѣтельствуетъ скорѣе, что онъ простой человѣкъ, учитель. Запишите и то, что о. В. В. обязуется вести о семъ бесѣду немедленно же, по окончаніи всей бесѣды о Мигараджѣ. А теперь продолжимъ „о Мигараджѣ“.

— Я скажу о Мигараджѣ то, что, если въ Коранѣ ясно не говорится о немъ, то преданія ясно и точно говорятъ о семъ, а поэтому будемъ вѣрить, что Мигараджъ есть истинное событіе и чудесное.

— Но вѣдь, чего нѣтъ въ Коранѣ, то вымыслъ, это тоже ученіе мусульманъ.

— Хорошо, и больше въ Коранѣ не будемъ и искать свидѣтельства о семъ нынѣ, да уже и поздно; 1-ый часъ, а мнѣ ѣхать далеко...

— Пріѣзжайте въ другой разъ пораньше, а то вы пріѣхали поздно.

— Иногда рано не удобно; у каждаго свои дѣла есть. Пріѣзжайте лучше вы ко мнѣ.

— Очень радъ. Когда угодно?

— Только не въ пятницу; у насъ много моленія и много гостей бываетъ.

— Хорошо.

— Пріѣдете одни?

— Къ вамъ нельзя вѣдь вдвоемъ пріѣхать, а то бы я взялъ съ собою учителя своего.

— А онъ знаетъ Коранъ?

— Онъ знаетъ христіанское ученіе и всегда имъ докажетъ ложность нехристіанскаго ученія.

— Не зная Корана ничего нельзя доказать. Плохо дѣлаете, вы не учите Коранъ.

— Хуже вы дѣлаете; не читаете Евангелія, и не интересуетесь христіанскою истинною вѣрою.

— Мусульмане—вѣрный Богу народъ.

— Христіане одни спасутся; безъ Христа спасеніе не возможно.

— Каждый о себѣ много думаетъ. Эгоисты!

— Очень жаль. Познакомьтесь съ ученіемъ Христовымъ и вы увидите, гдѣ спасеніе.

— Коранъ неисчерпаемое море премудрости, не хватитъ жизни человѣческой, что бы его одинъ изучить, когда же еще вашу вѣру учить!

— Вотъ вы и думаете только много о себѣ, а мы, изучая свою *вѣру*, изучаемъ и религіи другихъ народовъ, и этимъ изученіемъ познаемъ, на сколько выше всѣхъ ученій христіанство, ибо оно отъ Всевышняго Бога. Прощайте!

— До свиданія, лучше скажите.

— Это развѣ не все равно?

— Прощайте, какъ я пожелаю, значитъ: человѣкъ не надѣется или не хочетъ видѣться больше, а до свиданія—это значитъ еще увидимся.

— Ну, тогда до свиданія! Увидимся, увидимся!

— Очень радъ. Досвиданія!

„О Мигражѣ".

Черезъ недѣлю послѣ вышеупомянутой бесѣды я пришелъ къ Х. Б. въ домъ. Здѣсь засталъ у него мухаммеданина Г., и втроемъ начали мы бесѣду. Было около 10 часовъ утра.

— Ну, будемъ ли продолжать разговоръ о Мигражѣ? спросилъ я собесѣдника.

— Отчего же, можно. Вотъ, и Г., учился у хорошихъ учителей, и онъ поговоритъ съ нами. Вы одни?

— Одинъ.

— Это хорошо. Меньше лишнихъ свидѣтелей.

— Почему же это нужно?

— Чтобы не было сплетней. А то у насъ татары любятъ эти „сплетки", просто бѣда, а вотъ мы поговоримъ, да и все. Кстати я слышалъ, что вы ѣздили еще куда то къ нашимъ.

— Да. Надо знакомиться. Да что то не очень словоохотливы на счетъ вѣры то ваши татары. Говоришь о чемъ нибудь о житейскомъ, они хорошо понимаютъ меня, заговори о вѣрѣ, они сейчасъ или скажутъ: плохо понимаю тебя, или: по-русски плохо говорю.

— Боятся, В. В., боятся. Да правду сказать надо, о вѣрѣ не многіе могутъ и говорить-то.

— Ну, а муллы Касимовскіе? Мой собесѣдникъ улыбнулся и ничего не сказалъ.

— Что теперь скажете вы, В. В., о Мигражѣ? спросилъ меня мой собесѣдникъ.

— Тоже самое, что и прежде говорилъ. Въ Коранѣ о Мигражѣ нѣтъ ничего опредѣленно сказаннаго; или лучше Коранъ ничего о немъ и не говоритъ, а преданія ваши говорятъ всѣ не одинаково о Мигражѣ. Арабскіе писатели очень коротко говорятъ о Мигражѣ, персы—нѣсколько пространнѣе разсказываютъ,

а уже татарскіе писатели и не знаютъ, чего еще бы наговорить въ Миграджѣ, такъ что книга большая получается изъ разсказовъ о Миграджѣ. Видимое дѣло Миграджъ есть басня съ религіозно-нравственнымъ содержаніемъ.

— Напрасно, напрасно вы думаете такъ. Эта-то полнота разсказа и служитъ яснѣйшимъ доказательствомъ истинности историческаго сего событія; указываетъ она на его правдивость.

— Но по количеству нельзя еще судить о качествѣ. Чтобы судить о качествѣ разсказовъ, объ ихъ историческомъ достойнствѣ, нужно обращать вниманіе на содержаніе ихъ.

— Мы вѣримъ своимъ преданіямъ несомнѣнно.

— Но мало имѣть вѣру слѣпую, легкомысленную, должно вѣрить сознательно и разумно.

— Преданія наши истинны. Вы какъ относитесь къ нашимъ преданіямъ?

— Всякое преданіе, чье оно ни было бы, я стараюсь разсмотрѣть безпристрастно: содержаніе сего преданія соотвѣтствуетъ ли истинѣ, или истинно ли оно вполнѣ и безукоризненно по своему содержанію.

— Какъ вы относитесь къ Миграджу?

— Христіанинъ, читая разсказъ о Миграджѣ относитъ его къ разряду вымышленныхъ религіозныхъ разсказовъ.

— Истинно сказалъ о васъ нашъ пророкъ Мухаммедъ (миръ ему), началъ говорить доселѣ молчавшій Г., невѣрные враги Богу и Богъ врагъ имъ (Коран. 2, 92).—Вы враждуете явно противъ Ислама и не хотите вѣрить яснымъ словамъ Корана.

Свящ. Напрасно вы называете меня врагомъ Божіимъ. Я враждую противъ лжи сознательной, но жалѣю тѣхъ, кои обманываются этою ложью не сознательно. Мы отъ бесѣды уклоняемся. Не нужно порицать другъ друга. Мы истину ищемъ.

Г. Истина у насъ, вы не хотите истины.

Б. Нѣтъ, В. В., вы скажите, почему не хотите вѣрить нашимъ преданіямъ?

Свящ. Ваше преданіе само свидѣтельствуетъ о себѣ, что оно не истинно, а ложь, а поэтому и всякій здравомыслящій скажетъ, что вѣрить лжи не надо.

— Чѣмъ же оно свидѣтельствуетъ о себѣ.

— Преданіе ваше о Мигражѣ заключаетъ въ себѣ много противорѣчій внутреннихъ. Разсказовъ о Мигражѣ много и каждый толковникъ во многомъ не согласенъ съ другимъ.

— Каждый толковникъ по своему толкуетъ, имѣя свои основанія или предположенія, но ничѣмъ не оспариваемыя другими толковниками. Всѣ же они свидѣтельствуютъ объ истинѣ Мигража.

— Но всякое свидѣтельство, повторяю я, должно быть согласно съ самимъ собою, не должно заключать въ себѣ внутреннихъ противорѣчій. Если свидѣтельствъ много, то они должны быть согласны между собою. Вѣдь судья больше цѣнитъ тѣ свидѣтельства, кои согласны между собою, говоря о одномъ и томъ же предметѣ.

— Но вѣдь и пять свидѣтелей могутъ свидѣтельствовать напр. о воровствѣ разно, одинъ видѣлъ идущимъ его воровать, другой ворующаго, третій идущаго послѣ воровства, четвертый— слышалъ о воровствѣ и вотъ изъ совокупности всѣхъ этихъ свидѣтельствъ и получается обвиненіе полное. Такъ и толкованіе; одинъ толковалъ одно, другое слѣдующее, и въ общемъ получился историческій разсказъ о дѣйствительно бывшемъ событіи, именно о Мигражѣ. Видите, и вы сами себя опровергаете или наводите на истинный путь.

— Но ваши толковники *объ одномъ и томъ же фактѣ* говорятъ различно. Напр. одинъ говоритъ, что встрѣтилъ Мухаммедъ на 7 небѣ Авраама, другой говоритъ, что онъ встрѣтилъ тамъ не Авраама, а Іисуса и т. п. Напр., какъ, думаете вы, совершилъ Мухаммедъ свой Мигражъ?

— Въ бодрственномъ состояніи.

— Т. е. съ душою и тѣломъ, какъ обычно человѣкъ путешествуетъ?

— Да, да. Такъ свидѣтельствуетъ и преданіе.

— Да, мусульманское преданіе и передаетъ, что Мухаммедъ отказался сдѣлать описаніе устройства храма Іерусалимскаго, когда послѣ невѣрующіе требовали этого въ доказательство истинности событія сего, разсказываемаго имъ, потому что онъ говорилъ: я не замѣтилъ всего, такъ какъ была темная ночь. Итакъ Мухаммедъ совершилъ Миграджъ въ бодрственномъ состояніи. Теперь вопросъ, какъ онъ могъ это сдѣлать въ столь короткое время? Краткость времени непримирима съ совершившимся великимъ событіемъ. Вѣдь чтобы сказать 99 тысячъ словъ, хотя бы односложныхъ, напримѣръ: да, или: нѣтъ, нужно болѣе сутокъ времени, а мусульманское преданіе говоритъ, что это все совершилось во мгновеніе ока. Вдумайтесь, пожалуйста, и размыслите, какъ можно въ одну секунду или двѣ столько объѣхать? осмотрѣть, переговорить, испытать различныя впечатлѣнія и т. п. Можно ли это представить даже?

— Собесѣдники молчали.

— Далѣе, какъ могли замѣтить купцы, ѣхавшіе съ караваномъ, Мухаммеда, такъ быстро ѣхавшаго на Аль-Боракѣ, *въ одно мгновеніе?*

Г. Молнію мы замѣчаемъ же.

— Но Мухаммедъ разговаривалъ еще съ ними; подали купцы ему мѣхъ съ водою, и онъ пилъ.

— Но вѣдь это чудо, возразили оба собесѣдника.

— Но какое бы чудо ни было, оно никогда не бываетъ противоестественнымъ явленіемъ. Чудо сверхъ естественнымъ бываетъ, но не противоестественнымъ, точнѣе сказать—чудеса бываютъ всегда сообразны съ здравымъ общечеловѣческимъ смысломъ. Если же мы не будемъ сообразоваться съ этимъ, то при-

пишемъ Всемогущему много такого, что вовсе недостойно Его. Богъ совершаетъ не все то, что можетъ, а только сообразное съ законами Его премудрости и благости.

— Но законы измѣняемы бываютъ.

— Если они не совершенны, но Богъ всесовершенный даетъ и законы совершенные.

— Но Мухаммедъ свидѣтельствовалъ самъ о томъ, что Миграджъ есть дѣйствительная истина, а пророкъ говоритъ только истину.

— Пророкъ ли Мухаммедъ, это еще нужно доказать, да кто свидѣтель, что Мухаммедъ, какъ грѣшный человѣкъ, о чемъ самъ свидѣтельствуетъ о себѣ въ Коранѣ (Коран. 40, 57; 48, 2; 110, 3) не солгалъ?

— Если бы была ложь, то мусульмане не повѣрили бы.

— Они введены въ заблужденіе. Часто и мы вѣримъ, чему послѣ сами удивляемся, говоря: и какъ я могъ этому повѣрить?! Бываютъ же такіе случаи.

— Если и бываютъ, но къ сему подобное нельзя отнести, писатели наши и толковники передаютъ это все подробно и обстоятельно.

— И добавьте часто противорѣчиво.

— Но всѣ же вѣрятъ и теперь, и тогда вѣрили.

— Кто это всѣ? мухаммедане! Да и тѣ не всѣ; шіиты не вѣрятъ такъ, какъ сунниты.

— Народъ,—современники Мухаммеда вѣрили.

— Народъ тогда былъ весьма необразованъ. Народъ тогдашній—это дѣти; слушая сказку, они не различали ея вымысла отъ дѣйствительности, они смѣшивали часто вымыселъ съ дѣйствительностію.

— Но арабы всегда были образованные люди. Отъ нихъ всѣ народы получили и образованность свою.

— Исторія не въ пользу этого говоритъ.

Г. Что на исторію ссылаться, въ особенности на вашу. Исторія ваша всегда и все вретъ. Вамъ не хочется назвать арабовъ просвѣщеннѣйшими, потому что они отвергли невѣжество христіанъ.

— Потому то они и отвергли христіанство, что были невѣжды. Если не вѣрите нашей исторіи, повѣрьте своему Корану. Вотъ что мы читаемъ въ Коранѣ (7, 198) Богъ говоритъ Мухаммеду: „Удаляйся отъ невѣждъ", т. е. арабовъ. „Невѣждами" арабовъ называетъ Коранъ и въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ въ 25 гл. 64 ст.; 39, 64.— По своему дѣтскому невѣжеству, арабы и требованія чудесъ предъявляли—дѣтскія, напр. чтобы Мухаммедъ поставилъ отъ земли на небо лѣстницу, чтобы лазить имъ туда, или чтобы сады немедленно на пескѣ выросли и т. п. (см. гл. 17, 92—95; 6, 35).

Г. Это наоборотъ умный народъ и требованія его умныя.

— Тогда значитъ самъ Мухаммедъ былъ невѣжда, называя подобныя требованія глупыми?

Б. Но вѣдь и теперь вѣрятъ этимъ преданіямъ, а теперь народъ просвѣщенный! Вотъ, много мусульманъ обучаются за границею, въ университетахъ и т. п. и всѣ вѣрятъ мусульманскимъ своимъ преданіямъ, значитъ преданія наши достойны вѣрованія. Вѣра мусульманъ не слѣпая вѣра. Я сколько читалъ книгъ, бывалъ и въ Бухарѣ, и Каирѣ, и всю Россію, кажется, объѣхать пришлось мнѣ, и знаю множество наукъ, но и это все меня укрѣпляетъ въ вѣрѣ въ преданія наши.

— Образованіе у татаръ-мухаммеданъ не дополнялось опытными познаніями. Читаютъ, изучаютъ много книгъ мусульмане, но изучаютъ безъ всякаго критическаго вниманія на содержаніе изучаемаго. Что же касается современной намъ ученой молодежи, то о вѣрѣ ихъ я не стану говорить, буду хвалить, или хулить ее, но не приведу доказательствъ ясныхъ, достовѣрныхъ, что̀ не можете сдѣлать и вы. Вы же сами и начитанный человѣкъ, но

сильно предубѣжденный человѣкъ, вы читаете только мусульманскія книги, а вы почитайте и другія книги, тогда увидите: вѣра ваша слѣпа или нѣтъ? Вѣдь, если мы о человѣкѣ слышимъ только одно хорошее, потому что такъ говорятъ друзья и родные его, то и мы часто, не зная его достоинствъ хвалимъ его и онъ уже заочно намъ нравится, когда же познакомимся съ другими, не друзьями его, и услышимъ о его нехорошихъ дѣлахъ, то хотя и часто съ неохотою великою, но разочаровываемся въ немъ и это разочарованіе бываетъ очень больно для насъ. Такъ и вѣра, въ которой разочаровываться ужасно трудно. Религія—самое драгоцѣнное сокровище человѣка и разставаться съ нею очень больно человѣку, сжившемуся съ нею, но ради спасенія души своей человѣкъ долженъ искать истинную религію, безъ которой нѣтъ спасенія. Вы вѣрите въ преданія свои и безусловно хотите вѣрить, ваше самолюбіе не дозволяетъ и намекнуть вамъ, что ваша вѣра ошибочна, да и чувство религіозное мѣшаетъ сему, но все таки для собственнаго спасенія, любезнѣйшіе мои собесѣдники, мы должны пріобрѣтать вѣру сознательную. Если вы вѣрите въ Миграджъ это не должно уклонять васъ отъ размышленія, что въ разсказѣ о Миграджѣ много историческихъ противорѣчій, которыя доказываютъ, что это преданіе лживо.

Г. А по какой это вы исторіи будете говорить, опять по своей?

— Это мы увидимъ послѣ, но исторія будетъ во всякомъ случаѣ достовѣрнѣйшая и несомнѣнная для всякаго образованнаго человѣка, и для васъ, какъ просвѣщенныхъ людей, она будетъ несомнѣнна.

Г. То-то!

— По Мухаммеданскому преданію Мухаммедъ въ Іерусалимѣ въ какомъ храмѣ молился?

Б. Въ Соломоновомъ „Бейтуль-мюкаддасъ“.

Г. Въ немъ всегда и всѣ другіе пророки молились.

Свящ. Теперь вотъ нужно что сказать: При жизни Мухаммеда,—а онъ жилъ, какъ извѣстно, послѣ Іисуса Христа болѣе 600 лѣтъ спустя,—храма Соломонова уже не было.

Г. Какъ не было? запальчиво возразилъ собесѣдникъ, гдѣ же Гайса (І. Х.) молился?

— Да храма Соломонова не было при Мухаммедѣ и при Іисусѣ Христѣ. Соломоновъ храмъ разрушенъ былъ Навуходоносоромъ, царемъ Вавилонскимъ за 1000 лѣтъ до Мухаммеда. Храмъ же, въ которомъ молился Іисусъ Христосъ, выстроенный вмѣсто разрушеннаго Соломонова, былъ сожженъ Титомъ, Императоромъ Римскимъ въ 70 году послѣ Рожд. Хр., за нѣсколько вѣковъ ранѣе Мухаммеда. Теперь, какъ же молился Мухаммедъ въ Соломоновомъ храмѣ, когда его уже не было и на этомъ мѣстѣ никакого храма не было? Эта истина не ложная и несомнѣнная! Спросите всякаго ученаго человѣка и прочтите лучшія книги историческія.

— Вы покажите это намъ изъ исторіи нашей, мусульманской, а вашей исторіи мы сомнѣваемся вѣрить или, вѣрнѣе сказать этого не знаемъ.

— Исторія эта несомнѣнна, и вотъ только незнаніе исторіи истинной заставляетъ часто васъ вѣрить ложнымъ разсказамъ. Изъ вашей исторіи вотъ что скажу. Въ Іерусалимѣ, когда завоеванъ былъ при хашефѣ Омарѣ, вскорѣ же послѣ Мухаммеда, на мѣстѣ, гдѣ былъ еврейскій древній храмъ, построена была мечеть, извѣстная до нынѣ подъ именемъ Омаровой; храма же Соломонова уже конечно не существовало при Мухаммедѣ.

— Да, да! Ну какой нибудь другой храмъ здѣсь стоялъ, и стали называть его Соломоновымъ.

— На самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ Соломоновъ храмъ уже не было никакого храма.

— Вблизи не было ли храма? Вѣдь Ахмедъ ибнъ Юсуфъ говоритъ, что событіе Миграджа подтвердилъ предъ царемъ Ира-

кліемъ и послами Мухаммедовыми и Іерусалимскій патріархъ, значитъ былъ храмъ, хотя и христіанскій.

— Но вѣдь всѣ мусульманскія преданія говорятъ, что Мухаммедъ былъ въ храмѣ Соломоновомъ, котораго уже въ вѣкъ Мухаммедовъ не было, и другихъ, храмовъ на семъ мѣстѣ не было. Христіанскій же храмъ въ 615 году былъ разрушенъ Персами и существовавшій храмъ Іерусалимскій и нынѣ онъ, какъ возобновленный стоитъ не на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ древній храмъ Соломоновъ, т. е. не на горѣ Моріа, а вдали отъ этого мѣста, на горѣ Голгоѳѣ, внѣ города Іерусалима.

Г. Преданіе наше говоритъ, что Мухаммедъ былъ въ храмѣ Іерусалимскомъ, поэтому храмъ христіанскій и называется Іерусалимскимъ храмомъ, хотя и былъ онъ внѣ города.

Свящ. Преданіе ваше Іерусалимскій храмъ называетъ Соломоновымъ, а уже Соломонова храма тогда не было. Далѣе: ваше преданіе говоритъ, что въ *этотъ* именно храмъ пріѣзжали на Аль-Боракѣ и всѣ пророки до Іисуса Христа, а храма этого (христіанскаго) еще тогда несуществовало. Аль-Боракъ, когда на немъ пріѣзжали пророки въ Іерусалимъ, говоритъ преданіе ваше, оставлялъ слѣды своихъ ногъ въ Іерусалимскомъ храмѣ, каковыхъ слѣдовъ не было въ храмѣ христіанскомъ и не могло быть, потому что онъ построенъ былъ позднѣе Іисуса Христа. Патріархъ, говоритъ Ахмедъ вашъ, замѣтилъ слѣды Аль-Борака: но какъ онъ могъ узнать и могъ ли узнать, что они Аль-Бораковы, когда самъ онъ никогда на немъ не ѣздилъ, никогда его не видалъ. Да самого патріарха тогда не было, онъ съ 615 г. по 628 годъ былъ въ плѣну у Персовъ, потому не могъ и свидѣтельствовать о чемъ либо бывшемъ въ эти годы въ Іерусалимѣ. Вѣдь Миграджъ—путешествіе Мухаммеда въ Іерусалимъ было въ 622 году. Итакъ, преданія мусульманскія оказываются лживыми, потому что противорѣчатъ исторіи и Мухаммеданскимъ историческимъ свѣдѣніямъ. Преданія не истинны, потому что во время Миграджа храма Соломонова уже не было, патріарха тогда въ Іерусалимѣ не было и онъ знать слѣдовъ Аль-Борака не

могъ, никогда не видѣвъ его. Такимъ образомъ, если исторически доказана въ этомъ случаѣ ложь мусульманскихъ преданій, то и дальнѣйшія свѣдѣнія бываютъ уже сомнительны. Въ это время собесѣдникъ Г., перелистовавшій до селѣ книги, началъ довольно возвышеннымъ тономъ говорить:

— Ну, *позвольте*, теперь я прошу и меня выслушать! Я молчалъ все, хотѣлъ все вывѣдать отъ васъ, а теперь вотъ на основаніи книги, исторической книги, докажу вамъ, В. В., что все сказанное доселѣ ваши совершеннѣйшіе пустяки. Да! все, что вы ни наговорили, все ложь. Ложь и всѣ исторіи ваши говорили.

— Развѣ вы исторіи не вѣрите?

— О, она можетъ ошибаться!

— А преданія ваши?

— Никогда?

— Наоборотъ, исторія имѣетъ своимъ основаніемъ документы, несомнѣнно доказывающіе историческую истину, а преданія составляются изъ разсказовъ, передаваемыхъ устно, одинъ другому.

— Но и преданія также вѣдь записываются.

— Записываются, какъ слышатся отъ кого-нибудь. Исторія же основывается на документахъ или памятникахъ древности.

— А вотъ истинныя основанія нашихъ преданій. Бухари, объясняя 1 стихъ 17 главы Корана, о Миграджѣ пишетъ: „Разсказывалъ это преданіе Абданъ, разсказывалъ Абдулла, передавалъ Юнисъ и разсказывалъ Ахмедъ-бенъ-Самихъ, разсказывалъ Гуниса, разсказывалъ Юнисъ отъ лица Ибнъ-Шагаба, говорилъ Ибнъ-Мусидъ, говорилъ Абу-Гурейра: пророкъ Божій— да благословитъ его Богъ и да помилуетъ—пришелъ въ ночь путешествія къ Еліи (т. е. Іерусалиму)“. Вотъ, видите сколько свидѣтелей! Это доказываетъ достовѣрность разсказываемаго событія. Это лучше исторіи.

Б. Да, здѣсь ужъ нечего, кажется, и возразить. Ни одна исторія не передаетъ достовѣрнѣе. Событіе Миграджа доказано, какъ истинное. Вѣрить и вамъ, В. В., надо этому.

Свящ. Подумайте, нужно ли вѣрить! противорѣчій историческихъ въ Миграджѣ вы все таки ничѣмъ не опровергнули!

Б. Что можетъ быть убѣдительнѣе, какъ хадисы или риваяты! Сама Айша, дочь Абу-Бекра, любимая жена Мухаммеда свидѣтельствуетъ о Миграджѣ.

— Но нельзя ручаться, что одинъ, слыша разсказъ, передалъ его въ точности другому, а тотъ пересказалъ третьему и т. д. пока его не записали. Вѣдь такъ то и бываетъ по пословицѣ: изъ мухи слона дѣлаютъ, вотъ и тутъ тоже самое получается. Мухаммедъ въ Коранѣ (глав. 17. 1) сказалъ: въ нѣкоторую ночь содѣйствовалъ Богъ рабу своему совершить путь отъ запретной мечети къ отдаленной мечети „глав. 17 ст. 1“. Это слышалъ кто нибудь, сталъ передавать другому и кое что прибавилъ, а третій не безъ прикрасъ высказалъ иному и т. д. и т. д., и вотъ у мухаммеданъ получился громаднѣйшій разсказъ о Миграджѣ, которому вѣрятъ, нисколько не вдумываясь, вѣрно ли все это и сообразно ли съ дѣйствительностію? Заучиваете вы подобныя разсказы и слѣпо имъ вѣрите. Вы не обращаете вниманія на дѣйствительность. Припомните всѣ мои возраженія и оцѣните ихъ безпристрастно, не ради чего либо, а ради справедливости, ради правды, ради самого Бога, любящаго только правду и не нуждающагося въ какой либо лжи для его прославленія. Вдумайтесь и оцѣните свое преданіе. Вѣра не должна быть слѣпая. Вотъ, вы слѣпо вѣрите и говорите: Айша свидѣтельствуетъ о Миграджѣ, какъ же и ей не вѣрить? а спросите себя: правда ли то, будто свидѣтельствовала о Миграджѣ Айша? можетъ быть это не правда?

Б. Сейчасъ читали вамъ.

— Да можетъ ли она свидѣтельствовать о Миграджѣ?

Г. Кому же быть ближе ночью къ мужу, какъ не женѣ? Айша жена Мухаммеда.

— Вотъ, опять вы вѣрите этому слѣпо, безъ соображенія. Но приводя въ свидѣтельство Айшу, мусульманскія преданія

прямо противорѣчатъ исторіи. Въ то время, когда, по вѣрованію мусульманъ, былъ Мираджъ, Айша не была еще женою Мухаммеда, а поэтому не могла и свидѣтельствовать, ночевалъ ли Мухаммедъ всю ночь дома, или нѣтъ? Шіиты тоже напрасно ссылаются на Айшу, что она говорила будто бы: Мухаммедъ всю ночь былъ съ нею. Сюнниты и шіиты приводятъ въ свидѣтельство Айшу; она, по словамъ сюннитовъ, свидѣтельствуетъ о Мухаммедѣ, что онъ не былъ съ нею въ ночь Мираджа, а по словамъ шіитовъ, онъ, будто, былъ съ нею всю ночь. Противорѣчивыя другъ другу свидѣтельства уничтожаютъ всякое довѣріе къ разсказу и самому событію Мираджа. Айша сдѣлалась женою два года спустя послѣ Мираджа. Бракъ Айши съ Мухаммедомъ, свидѣтельствуютъ сами мусульмане, былъ въ Мединѣ уже, т. е. послѣ Гиджры, или бѣгства Мухаммеда изъ Мекки въ Медину, а Мираджъ преданія относятъ къ жизни Мухаммеда въ Меккѣ. Что теперь скажете противъ этого?

— Послѣ, послѣ.

— Хорошо. Не обошлись преданія ваши безъ противорѣчія исторіи и тогда, когда переносятъ своего пророка на небо. Биляль, говорите вы, идя въ мечеть, стукомъ своихъ башмаковъ колебалъ небо и землю и изумилъ Мухаммеда, взиравшаго съ 7-го неба на землю. Мираджъ былъ, по мусульманскимъ преданіямъ, за годъ до бѣгства Мухаммеда изъ Мекки въ Медину, между тѣмъ сами же мусульмане справедливо говорятъ, что первая мечеть была построена послѣ этого бѣгства, тогда и появилась должность Муэдзина (созывателя на молитву, азанчи), каковымъ былъ при Мухаммедѣ Биляль. Теперь понимаете, что я хочу сказать?

— Собесѣдники улыбались, смотря въ Коранѣ.

— Да, теперь спросить надо благоразумныхъ и не лишенныхъ здраваго смысла: какъ же видѣлъ Мухаммедъ Билаля, идущаго въ мечеть, когда мечети еще не было?

Г. Онъ могъ идти въ Каабу, она и есть мечеть.

— А кааба тогда принадлежала Исламу?

— Она всѣмъ принадлежала.

— Но язычники арабы не пускали туда Мухаммеда и его послѣдователей; они гнали ихъ.

Б. Мухаммедъ и неходилъ туда на молитву; идоламъ мы не кланялись.

— Да. Мусульмане не ходили туда, потому что Кааба была полна идоловъ, поэтому и Кааба не была мечетью, и преданія никогда не назовутъ Каабу тогдашнюю мечетью, если не захотятъ противорѣчить истинѣ. Итакъ все то, что говорятъ намъ преданія, будто шелъ въ мечеть и стукомъ безпокоилъ (колебалъ) небо и землю,—ложь. Преданіе о видѣніи Мухаммедомъ на небѣ райской дѣвицы, назначенной Зейду, сыну Хареса, свидѣтельствуетъ также, что Мигараджъ есть вымыселъ людей, вымыселъ неправдоподобный. Усыновленный Мухаммедомъ Зейдъ женатъ былъ на Зейнабѣ, Мухаммеду понравилась сильно Зейнаба, и вотъ онъ женился на ней, послѣ того какъ Зейдъ развелся съ Зейнабою, чтобы угодить Мухаммеду. Это было въ пятомъ году гиджры. Бракъ этотъ былъ незаконенъ по мнѣнію всѣхъ арабовъ тогдашнихъ и считался нечестивымъ; за него упрекали Мухаммеда всѣ, даже его послѣдователи. Въ защиту себя Мухаммедъ выдалъ, какъ Божіе откровеніе, что Богъ разрѣшаетъ бракъ сей, и что не сдѣлаетъ пророкъ, то не должны никакъ осуждать люди. (Коран. 33, 36—40) Стихи эти выдалъ Мухаммедъ въ успокоеніе себя и народа. Онъ смущенъ былъ и самъ этимъ бракомъ, а потому и говорилъ отъ лица Бога: „удержи за собою супругу твою“, когда Зейдъ хотѣлъ развестись съ Зейнабою ради Мухамеда. „Удержи“ т. е. не разводись съ женою твоею. Мухаммедъ какъ бы такъ говорилъ: я боюсь этого брака; вѣдь онъ, по мнѣнію нашему, есть нечестіе, какъ я буду жениться на женѣ, разведенной хотя, сына своего“? Зейдъ, зная страстность Мухаммеда, развелся съ своею женою, и послѣ нѣкотораго времени Мухаммедъ женился на ней. Если бы было Мухаммеду

видѣніе, что Зейду назначена взамѣнъ Зейнабы райская дѣвица, то онъ *не сталъ бы* понапрасну волноваться и отговаривать Зейда „удержи жену твою за собою“. Очевидно, этого видѣнія не было и Мухаммедъ о немъ не могъ разсказывать. Ясное дѣло, что видѣніе это придумано кѣмъ нибудь послѣ, въ оправданіе этого брака.

— Но вѣдь это видѣніе пророчество, которое и доказываетъ, что Мигараджъ чудесенъ.

— Пророчества имѣютъ свое свойство. Богъ, давая пророчества будущаго, этого пророчества никогда не доводитъ до такой ясности, чтобы прекращалось всякое почти различіе между пророчествомъ о будущемъ и совершившимся событіемъ. Здѣсь же видно, что видѣніе вышло не какъ пророчество, а какъ уже совершившееся событіе, котораго на самомъ дѣлѣ, во время Мигараджа Мухаммедова, еще не было. Нельзя объяснить пророчествомъ и видѣніе Мухаммедомъ четырехъ мюджтагидовъ. Да кромѣ того самыя пророчества (вы ихъ такъ называете, я же не могу ихъ называть такъ, потому что они *не пророчества*, какъ сказалъ я выше) изложены различно у разныхъ вашихъ писателей. Посмотрите, сколько противорѣчій вы найдете у разныхъ писателей вашихъ о Мигараджѣ. Одинъ говоритъ такъ, иной иначе, третій совсѣмъ по своему, и каждый говоритъ, что его разсказъ истинно вѣренъ и подробенъ. Судите сами, и читая внимательно разныя толкованія, вы увидите, что всѣ ваши писатели говорятъ очень разнообразно и противорѣчиво о Мигараджѣ. Итакъ разсказамъ о Мигараджѣ *никакъ* нельзя вѣрить, иначе заблужденіе будетъ. И правда, кто вѣритъ Мигараджу, тотъ подобится идолопоклоннику, тотъ оскорбитель Бога.

— Что вы, что вы! вы сами идолопоклонникъ. Вы иконамъ кланяетесь.

— Это не къ дѣлу.

— Нѣтъ къ дѣлу, перебили меня мои собесѣдники, вы огнепоклонники, зажгете масло и кланяетесь, молитесь ему, на стѣ-

нахъ вѣшаете своихъ боговъ, на шеи свои ихъ цѣпляете: вы идолопоклонники.

Г. У васъ и боги то слѣпыя, имъ огонь зажигаете.

— Погодите, господа, погодите! Много вы сейчасъ грустнаго наговорили, но истиннаго мало. Не волнуйтесь. Вы знаете, кто сердится, тотъ ужъ не правъ. Докончимъ рѣчь о Мигражѣ, потомъ будемъ говорить о христіанствѣ.

— Нѣтъ, теперь нечего о Мигражѣ говорить, вы этому событію не вѣрите; мы видимъ теперь.

— А прежде, до этого нашего разговора, развѣ вы думали, что я вѣрю Мигражу?

— Вы слова всѣ переиначиваете.

— Какія?

Б. Мы немножко устали и разгорячились; давайте немного отдохнемъ; а ты *Г.* почитай намъ газету, вотъ, у меня кстати есть „Русское Слово“, я взялъ его у *Б. Г.*; здѣсь о Турціи кое что сообщается.

Бесѣда прекратилась. Времени было болѣе 12 часовъ. Подали самоваръ и кое что закусить. *Б.* и *Г.* не на долго вышли и возвратились съ бутылкою удѣльнаго вина.

— Это для того, чтобы прохладиться, В. В., сказалъ *Б.*

— Отчего же не прохладиться.

— И мы немного прохладились [1]).

Не много времени спустя, мы опять завязали бесѣду о томъ-же предметѣ. Бесѣда о Мигражѣ заинтересовала Б., но Г. мрачно смотрѣлъ и, какъ видно, хотѣлось ему какъ либо отстоять свою вѣру въ Мигражъ.

---

[1]) Касимовскіе татары имѣютъ *по русскому* обычаю и винцо у себя „для прохлады“, „лишь бы мулла не видалъ“, говорилъ купецъ одинъ изъ татаръ. И муллы нѣкоторые тоже имѣютъ, „лишь бы *не чуяли* прихожане“—смѣялся одинъ мулла.

— Вотъ, мусульмане говорятъ, что Мухаммедъ, послѣ совершенія Мигараджа, не могъ разсказать объ устройствѣ Іерусалимскаго храма, потому что была глубокая тьма, началъ я бесѣду.

— Ночью, конечно, ничего не видно.

— Но видѣлъ же онъ, съ кѣмъ разговаривалъ въ храмѣ?

— Онъ ни съ кѣмъ не разговаривалъ тамъ.

— А съ пророками? намазъ еще (или молитву) онъ совершалъ.

— Отъ пророческихъ лицъ сіяніе было.

— Если такъ,—хотя преданія ваши о семъ ничего не говорятъ,—то это также вымыселъ вашъ, который кто либо подслушаетъ и скажетъ, передавая исторію о Мигараджѣ другому, что отъ пророковъ сіяніе было и освѣщало весь храмъ. Если было сіяніе, то оно могло освѣщать и пространство и устройство храма. А пророковъ много было, значитъ свѣту было очень много, такъ что могъ бы Мухаммедъ и храмъ осмотрѣть.

— Ему не до того было. Онъ молился, а когда мы молимся, все забываемъ и ничего не помнимъ, даже и не видимъ и не слышимъ, вотъ какая наша молитва, не то что у васъ.

— А по моему мнѣнію наша христіанская служба въ храмѣ несравненно лучше вашей. Христіанинъ обязанъ вознестись сердцемъ къ Богу, душа его должна горѣть любовью къ Спасителю, очи—взирать на совершаемыя священнодѣйствія, уши—слышать молитву, уста—воспѣвать хвалу Богу, колѣна преклоняться, руки молящійся долженъ воздѣвать къ небу, тѣломъ повергаться до́лу предъ Всемогущимъ Богомъ; воистину—всѣ кости наши и вся внутренняя наша благословляютъ Господа! Жаль, что этого, какъ вы говорите, нѣтъ у васъ.

— Мы также молимся, и видимъ, что имамъ (мулла) дѣлаетъ въ мечети.

— Значитъ и Мухаммедъ долженъ былъ хотя что либо видѣть въ храмѣ. Плохой онъ молитвенникъ; устройства храма онъ не могъ замѣтить, а между тѣмъ дѣвицу, встрѣтившуюся съ нимъ на

пути во время Мигараджа, онъ успѣлъ разсмотрѣть и видѣть, что она красива и нарядна. Этими же словами Мухаммедъ себя самого обличаетъ.

Г. Нѣтъ; вы погодите говорить объ этомъ. А скажите, чѣмъ „Мигараджъ“ оскорбляетъ Бога? Вы этого не доказали, и слова ваши пустыя. Великъ нашъ Богъ! Хвала Ему! Теперь говорите дальше свое.

— Спасибо г. Г., что вы напомнили мнѣ объ этомъ. Я очень радъ сказать вамъ, какъ вы оскорбляете Бога вѣрою своею въ Мигараджъ. Оскорбленіе это состоитъ вотъ въ чемъ: Богъ есть существо высочайшее и безпредѣльное, безконечное; Богъ есть Духъ, а не матерія. Онъ вездѣсущъ. Богъ,—какъ говоритъ Священное Писаніе наше,—Духъ, вѣчный, совершенный, невидимый, вездѣсущій, премудрый, присносущій, неизмѣняемый.

— Вы намъ говорите лучше изъ Корана, который мы знаемъ.

— Извольте. Коранъ тоже говоритъ (6, 130), что Богъ невидимъ и Его не постигаютъ взоры. Онъ вездѣсущъ (33, 55) мудръ (LVIII). Свойства Божіи по ученію Корана таковы: съ человѣкомъ Богъ говоритъ не иначе, какъ только черезъ откровеніе (42, 50); Бога уподоблять чему либо нельзя и не должно (16, 76). Догматика мухаммедская говоритъ, что Богу не нужно ничего подобнаго тѣлу и Онъ не имѣетъ опредѣленнаго мѣста. Нельзя сказать, что Онъ тамъ, или здѣсь, на небѣ или на землѣ и т. п. Но въ разсказѣ о „Мигараджѣ“ вопреки Корану и догматикѣ, которымъ каждый мухаммеданинъ долженъ безусловно вѣрить, Богъ представляется существомъ ограниченнымъ, сидящимъ на одномъ мѣстѣ отъ Мухаммеда въ разстояніи двухъ роговъ лука. Мухаммедъ, восходившій, по вашему ученію, на небо съ тѣломъ, стоя предъ Богомъ, занималъ извѣстное мѣсто, и Богъ, значитъ тоже занималъ пространство и извѣстное мѣсто, такъ какъ между Магометомъ и Богомъ оставалось небольшое разстояніе. Занимать же пространство можетъ только матерія, значитъ Богъ матеріальное существо. Такое понятіе о Богѣ есть невѣріе. Вотъ, и выходитъ, что вы, довѣряя разсказамъ о Миг-

раджѣ, оскорбляете самого Бога; вы дѣлаете изъ Бога-Духа безпредѣльнаго вещество предѣльное, ограниченное.

— Ну, нѣтъ, мы знаемъ, что Богъ Духъ, безпредѣльное существо, котораго и умомъ нельзя объять. О Аллахъ, Аллахъ, Великъ Ты!

— А Мираджъ, разсказамъ о которомъ догматика ваша обязуетъ васъ вѣрить, какъ несомнѣнной истинѣ, лице Божіе,—Бога закрываетъ множествомъ занавѣсокъ. Разсказы о Мираджѣ сообщали, будто Богъ одну руку положилъ на плечо Мухаммеда, а другую на грудь его.

— Это выраженіе образное. И у васъ въ книгахъ есть такія выраженія.

— Да, есть, но не совсѣмъ такія. У насъ иногда упоминается выраженіе „рука Божія“; это значитъ: сила Божія. Напр. „и бѣ рука Божія на немъ“, т. е. сила Божія была на немъ.

— Тоже самое у насъ, значитъ: сила Божія была на Мухаммедѣ.

— Но ваше преданіе этого толкованія не принимаетъ, оно велитъ понимать слова буквально. У васъ въ разсказахъ о Мираджѣ говорится о двухъ рукахъ Божіихъ, говорится при томъ о разныхъ положеніяхъ этихъ рукъ: одна рука Божія на плечо Мухаммеда была положена, а другая на грудь его, а сила одна, *сила* не можетъ подвергаться счету; зачѣмъ одну силу класть на плечо, а другую на грудь? Сила не раздѣлима. „Сила Божія бѣ на немъ“—выраженіе христіанское очень понятное, а ваше выраженіе въ разсказахъ о Мираджѣ темное и не понятное. Потомъ разсказы о Мираджѣ погрѣшаютъ сильно въ слѣдующемъ. Богъ, по этимъ разсказамъ, обѣщалъ все исполнить Мухаммеду, что онъ попроситъ, а потомъ Богъ отказывается исполнить молитву Мухаммеда освободить изъ ада отца и мать его. Мнѣ страннымъ кажется и то, что Господь Богъ сначала назначилъ для мухаммеданъ на день 50 молитвъ, а потомъ уменьшилъ

до 5. Богъ представляется недальновиднымъ: Онъ не зналъ, что трудно 50 молитвъ исполнить; уже Моисей научилъ Мухаммеда просить Бога уменьшить число молитвъ.

— Богъ недальновиденъ... что то страшно ты говоришь!

— Не я говорю, а преданіе ваше такъ представляетъ Бога.

Г. Но Богъ совѣтомъ пророка Моисея хотѣлъ испытать Мухаммеда, будетъ ли онъ ходатаемъ за народъ свой, а поэтому и назначилъ непосильное число молитвъ.

Б. Это, пожалуй, можетъ быть.

— А у васъ гдѣ такое толкованіе есть?

Собесѣдники молчали.

— Въ разсказахъ о Мигражѣ уродливое ученіе и объ ангелахъ. Человѣку неприлично назваться скотиною, животнымъ, а у васъ ангелы представляются или необъятнымъ пѣтухомъ, или въ видѣ страшно безобразномъ, въ веснушкахъ и прыщахъ. Богъ Всесовершенный, Творецъ всего прекраснаго, вдругъ является Творцомъ уродовъ. И что за цѣль представлять ангеловъ въ такомъ образѣ? Пророки также въ разсказахъ о Мигражѣ представлены не достойными похвалы. Если пророки должны быть благовѣстниками и учителями (Коран. 5, 22) на землѣ, если они должны учить добродѣтелямъ и покорности, то, безъ сомнѣнія, они сами должны проявлять добродѣтели и быть покорными Богу. А между тѣмъ, изъ разсказовъ о Мигражѣ мы видимъ, что пророкъ Идрисъ недоволенъ дарованнымъ ему отъ Бога блаженствомъ, а Моисей представленъ плачущимъ отъ зависти. И въ чемъ же завидуетъ? въ томъ, что изъ числа послѣдователей Мухаммеда гораздо больше спасется, чѣмъ у него. Спасенію людей надо радоваться; одинъ только діаволъ не радуется этому, а Моисей завидуетъ и отъ досады плачетъ. Противорѣчіе полное здѣсь усматривать можно, какъ съ Кораномъ, такъ и съ догматическимъ ученіемъ вашимъ, и могу прибавить—съ здравымъ смысломъ. Подумайте! Хорошъ ли человѣкъ-завистникъ?—А ваши преданія называютъ пророка Моисея завистливымъ. Не изъ за-

висти ли Моисей научалъ и Мухаммеда просить у Бога уменьшенія и 5-ти молитвъ? Можетъ быть, онъ хотѣлъ обмануть Мухаммеда и оставить его безъ всякихъ молитвъ, а чтобы сдѣлать мусульманъ самыми худшими людьми, ибо по Корану самый лучшій человѣкъ есть молящійся Богу (Коран. 41, 33). Видите, ложь одна куда ведетъ васъ! Вотъ, вы видите, какъ представляется намъ теперь истина, а *при истинѣ* ложь исчезаетъ (Коран. 2, 39. 17, 83).

— Я не знаю, навѣрное, вѣрите ли вы хоть сколько нибудь Миграджу? неожиданно спросилъ меня Б.

— Нисколько, отвѣчалъ я. И вѣрить смѣшно. Преданіе, сказавши, что каждое небо занимаетъ пространство, на прохожденіе котораго требуется 500 лѣтъ, даетъ намъ понять, что 7 небесъ нужно пройти въ одинъ милліонъ 251 день. Преданіе говоритъ, что на одномъ небѣ Мухаммедъ увидѣлъ ангела, между глазами котораго было пространство въ 70 тысячъ дней пути. Такъ какъ пространство между глазами правильно сложеннаго человѣка, не урода, составляетъ приблизительно 70 часть его роста, то поэтому расчету высота сего ангела должна быть (70,000 помноженныя на 70): равна 4 милліонамъ, 900 тысячамъ дней пути, а всѣ небеса, какъ выше мы видѣли, равны высотѣ въ 1,250,000 дней пути. Какъ же умѣстился ангелъ на третьемъ небѣ? Еще скажу. Преданія ваши говорятъ, что Мухаммедъ красотою и ростомъ долженъ превосходить всѣ райскія творенія. Онъ долженъ быть выше и этого ангела; гдѣ же Мухаммедъ могъ помѣститься? Вотъ ваши преданія какъ оказываются смѣшны, когда вы будете, какъ слѣдуетъ, разбирать и обсуждать ихъ!

Г. Можно все предположить!

Свящ. А именно?

Г. Да все! Однако, что же такое по вашему мнѣнію Мираджъ?

— Разсказъ о Миграджѣ кратко составилъ произвольно Мухаммедъ самъ. А самый Мираджъ есть плодъ разстроеннаго воображенія Мухаммеда. Это сонъ больного человѣка. Разсказъ этотъ составился во всей его теперешней полнотѣ послѣ, въ чемъ

поусердствовали многіе толковники ваши. Вспомнимъ, какъ и нынѣ народная молва разноситъ то или другое событіе совсѣмъ небывалое. Здравый разсудокъ никогда не приметъ подобныя фантастическія басни, исполненныя лжи, какъ Мираджъ. Ваша религія имѣетъ эти разсказы и заставляетъ насильно вѣрить имъ, убивая разумъ, который Богъ далъ, чтобы люди отличали истину отъ грубой лжи и заблужденія. Итакъ, мусульманское ученіе о Мираджѣ не можетъ быть принято за несомнѣнно истинное ученіе, ибо источники его не имѣютъ достоинства истинно историческихъ документовъ. Коранъ не говоритъ о Мираджѣ, а мусульманскія преданія хотя говорятъ и много, но ихъ свидѣтельства, какъ противорѣчивыя, ни съ чѣмъ не сообразныя, не могутъ и не должны быть приняты за истинныя, каковыми напрасно и слѣпо безразсудно считаютъ ихъ мусульмане.

— Много, много вы, В. В. сказали намъ. Конечно быть можетъ, кое что толковники и не такъ сказали, но будетъ за насъ ходатайствовать предъ Богомъ пророкъ нашъ Мухаммедъ (миръ Ему!) и ходатайство его восполнитъ нашу вѣру.

— Ваше богословіе учитъ васъ вѣрить преданію о Мираджѣ, какъ высшей истинѣ безусловно. Преданіе о Мираджѣ ложное преданіе, какъ и Мираджъ самъ ложенъ, ложно и вѣроученіе, которое заставляетъ своихъ послѣдователей вѣрить лжи. Не истинный пророкъ и тотъ, кто выдаетъ ложь за истину. Мухаммедъ желалъ обмануть своихъ невѣжественныхъ мусульманъ этимъ невѣжественнымъ разсказомъ. Ходатаемъ не можетъ быть у Бога Мухаммедъ; онъ самъ нуждается въ прощеніи своихъ грѣховъ.

Г. Прощайте В. В. и вы Б., у меня нѣтъ больше времени сидѣть, прощайте!

— Заѣзжайте ко мнѣ, просилъ я своего собесѣдника Г.

— Покорно благодаримъ. Прощайте!

Остались мы вдвоемъ. Ну никакъ пора и мнѣ домой, сказалъ я.

— В. В.! Можетъ ли за насъ ходатайствовать пророкъ Мухаммедъ?

— Нѣтъ. Нигдѣ въ вашемъ Коранѣ Мухаммедъ не называется *шафиг* или *шафагатчіе*. Коранъ (6, 164; 17, 16) говоритъ: каждый предъ Богомъ будетъ отвѣчать *за себя только*. И въ своихъ молитвахъ вы молитесь, чтобы Богъ благословилъ Мухаммеда, какъ Авраама Онъ благословилъ. Если Авраамъ благословленъ и блаженствуетъ уже, а вы, мусульмане, только молитесь, просите, чтобы Богъ и вашего пророка благословилъ, ясно значитъ, что Мухаммедъ еще не имѣетъ такого благословенія. Да въ Миграджѣ Авраамъ названъ отцемъ Мухаммеда: „Мухаммедъ! это отецъ твой—Авраамъ," сказалъ Гавріилъ Мухаммеду, при его встрѣчи съ Авраамомъ. Въ Коранѣ говорится: ни за одну душу ходатайства не будетъ (Коран. 2, 45). Богъ одинъ только ходатай (предъ кѣмъ?) (Коран. 6, 57 32, 3. 39, 44—45), а ваши сказанія о Миграджѣ говорятъ, что Мухаммедъ будетъ ходатаемъ; это нечестивое ученіе противъ Корана. Что выше вы считаете Коранъ или преданіе?

— Конечно, Коранъ, но преданія равны почти ему.

— Но преданія о Миграджѣ противорѣчатъ Корану, утверждая, что Мухаммедъ будетъ ходатаемъ.

— Но и Коранъ говоритъ, что ходатайствовать за другихъ предъ Богомъ будетъ тотъ, кому позволитъ Богъ (Коран. 2, 256; 10, 3; 20, 108). Еще (19, 90; 20, 108). Даже ангелы будутъ ходатаями (Коран. 53, 26—27. 34, 22). и всѣ мусульмане могутъ ходатайствовать (Коран. 43, 86).

— Ну, откройте Коранъ и читайте (2, 45).

— Бойтесь дня, въ который ни одна душа нисколько не удовлетворитъ за другую душу, не примется за нее ходатайства, не потребуется равнаго воздаянія, никому не подастся помощи.

— Поняли?

— Да! задумчиво отвѣтилъ Б.

— Читайте еще (Коран. 6, 51).

— „Откровеніемъ учи тѣхъ, которые со страхомъ ждутъ того, что будутъ собраны ко Господу своему, имъ, кромѣ Его, другаго покровителя и заступника не будетъ".

— И 69 стихъ этой же главы говоритъ, что ходатая не будетъ никому никакого, кромѣ Бога.

— Читайте еще (Коран. 32, 3; 39, 44 -45).

— Б. Читаетъ долго про себя.

— Ну, что же?.

— Тутъ тоже говорится, что ходатайствовать никто не можетъ.

— Видите!

— Какъ же Коранъ въ другихъ мѣстахъ (2, 256. 10, 3) говоритъ, что будутъ многіе ходатаи.

— Значитъ, Коранъ противорѣчитъ себѣ, значитъ Коранъ лжетъ; то скажетъ одно, то другое. Богъ Самъ Себѣ не противорѣчитъ. Если Коранъ себѣ же противорѣчитъ, то значитъ, онъ не Слово Божіе. Если же вы скажете, Коранъ Слово Божіе, то вы богохульствуете, потому что Богъ Самъ Себѣ не противорѣчитъ.

— Охъ, В. В., какой у меня теперь въ головѣ ходитъ туманъ, просто бѣда; что-то мы не такъ говоримъ съ вами!

— Нѣтъ, все такъ. Мы истину говоримъ и основательно. Не знаю, что вы смущаетесь?

— А что, муллы наши съ вами бесѣдуютъ?

— Да. Напр. Г. Б. и другіе, вотъ изъ деревни Ч., С., Б., Т.

— Ну, что же?

— Да ничего, но лѣниво бесѣдуютъ. Вначалѣ займутся, пожалуй охотно, а потомъ, какъ чуть выйдетъ у него заминка, онъ начинаетъ говорить, что у него или книгъ нѣтъ, или онъ по русски плохо понимаетъ, или *не умѣетъ языкомъ* сказать; „въ головѣ есть-де у меня, а языкомъ сказать не могу“ или некогда, скажетъ, то пообѣщается пріѣхать, и не пріѣдетъ. Къ истинѣ они плохо стремятся; они слѣпыми хотятъ быть.

— Да, наши муллы хозяйствомъ, да торговлей занимаются больше, чѣмъ книгами.

— Не пора ли кончить намъ разговоръ? Время уже много.

4315

До вечера добраться лишь бы домой. О Мигражѣ еще много говорить можно, но закончить пора бесѣду.

— Давайте, чай пить!

— Нѣтъ, прощайте! Вы записывали изъ бесѣды кое что, или непонятное, или на что найдете отвѣтъ у себя послѣ, или возраженіе. Обо всемъ, Богъ дастъ, поговоримъ послѣ. А вотъ, позвольте мнѣ дать вамъ Евангеліе, для чтенія. Почитайте! и о чемъ найдете послѣ нужнымъ спросить, скажите; пріѣзжайте ко мнѣ или пишите мнѣ. Прощайте!

— Нѣтъ, теперь до свиданія, сказалъ Б. улыбаясь,

— Очень радъ. Ну, до свиданія!

Было уже 4 часа вечера. Черезъ часъ, когда я выѣзжалъ изъ Касимова, встрѣтился со мной Г., мой собесѣдникъ. Указывая на меня своему спутнику-татарину, онъ говорилъ: „вотъ, казанскаго муллы сынъ-перекрещенецъ!“—Изъ природнаго христіанина, чисто русскаго происхожденія, въ устахъ народной молвы татаръ, я сталъ „перекрещенцемъ“, „сыномъ казанскаго муллы“. И для чего такая выдумка?—Единственно для того, чтобы объяснить, почему я знакомъ съ Кораномъ и преданіями мусульманъ [1]).

Миссіонеръ священникъ *В. Доронкинъ.*

1897 года.

---

[1]) *Примѣчаніе.* „О путешествіи Мухаммеда по небесамъ или Мигражѣ“ можно читать еще слѣдующія изслѣдованія:

1) *Тихона Чижова.* См. Оренбургскія Епархіальныя Вѣдомости. 1894 г. №№ 4—6 8. 12—13. 17 и 19 и 1895 г. № № (стр. 310—318), № 12 (стр. 348—352). № 12 (стр. 380—385).

2) *Аббата Бурнада.* См. его сочиненіе „Ключь къ Корану“. Переводъ съ французскаго. Оренбургъ. 1897 г. стр. 29—36; или же см. Оренбургскія Епархіальныя Вѣдомости за 1895 и 1897 г.

3) *Е. А. Малова.* Ночное путешествіе Мухаммеда въ храмъ Іерусалимскій и на небо. Казань. 1876 г. См. Миссіонерскій противомусульманскій Сборникъ. Выпускъ XII. Казань. 1876 года.

4) О путешествіи Мухаммеда на небо см. сочиненіе *Вашингтона Ирвинга:* „Жизнь Магомета“. въ переводѣ на русскій языкъ *П. Кирѣевскаго.* Москва. 1857 г. стр. 80—11.

5) Въ сочиненіи *Гордія Семеновича Саблукова:* „Свѣдѣнія о Коранѣ—законоположительной книгѣ мухаммеданскаго вѣроученія“. Казань. 1884 г., стр. 190—220.